

*«Захватывающая история, в которой
единственный шанс на выживание — это побег».*

Луиз Саттон, продюсер сериала «Черное зеркало»

THE

БЕН
ОЛИВЕР

ПЕТЛЯ БУДУЩЕГО

18+

СВОБОДА
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Бен Оливер
Петля будущего
Серия «Young Adult.
Антиутопия. Аркан»
Серия «Петля будущего», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57134365
Петля будущего / Бен Оливер ; [перевод с английского К. Руснак].:
Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110718-5

Аннотация

Так ли ты представлял себе далекое будущее?

Аркан – тюрьма высоких технологий. Лука Кейн – заключенный 9–70–981, теперь всю жизнь его ждет безрадостное существование в звуконепроницаемой камере-одиночке. Дни предсказуемы до тошноты: обед по расписанию, час прогулки в одиночестве, из собеседников – надзиратель Рен и голос операционной системы. В запястья вживлены магнитные кабели, а в грудь вшито взрывное устройство, которое разорвет его сердце на куски, если он попытается сбежать.

Мир давно прогнал насквозь: теперь живой человек – ничтожество, всем управляет система, а заключенных используют

как расходный материал. Ежедневно из Луки тянут энергию наноботы, а раз в полгода на нем проводят тесты новых протезов для киборгов. Ни единого шанса на спасение.

Но он должен вырваться на свободу, найти свою семью и выяснить, кто в ответе за мировой хаос! И когда система дает сбой, Лука решает воспользоваться моментом. Вот только знает ли он, что творится в мире за пределами Аркана? Не являются ли стены тюрьмы его единственной защитой от ужасов реального мира?

Содержание

День 736 в Аркане	7
День 737 в Аркане	11
День 738 в Аркане	37
День 739 в Аркане	38
День 740 в Аркане	39
День 741 в Аркане	40
День 742 в Аркане	41
День 743 в Аркане	42
День 744 в Аркане	54
День 747 в Аркане	61
День 748 в Аркане	63
День 749 в Аркане	67
День 750 в Аркане	76
День 751 в Аркане	92
День 752 в Аркане	99
День 753 в Аркане	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Бен Оливер

Петля будущего

Для Сары: извини, в этой истории драконов нет.

*Жизнь кипела в нем, вставала бурным разливом,
и каждый мускул, каждая жилка играли, были в
огне, и радость жизни претворялась в движение, в
эту исступленную скачку под звездами.*

ДЖЕК ЛОНДОН
«ЗОВ ПРЕДКОВ»

Original English language edition first published
in 2020 under the title THE LOOP by The Chicken House,
2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

Translation Copyright © Chicken House Publishing Ltd
Text copyright © BEN OLIVER 2020

The Author/Illustrator has asserted her moral rights.
All rights reserved.

Перевод с английского *К.В. Руснак*

© Руснак К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

День 736 в Аркане

Жатва начинается, и остается лишь страх. Так все и происходит, каждую ночь в одно и то же время.

Проходят минуты или даже часы – сложно сказать, – и в какой-то момент у меня начинаются галлюцинации.

Мой разум растворяется в боли и панике, и вот я уже за пределами камеры. Я стою на крыше Вертикали «Черная дорога» – башни с километр в высоту, где я когда-то жил. Светловолосый мальчик что-то кричит, пытается достать пистолет из кармана, отступая к краю здания, в то время как девушка в маске ведьмы подходит к нему все ближе и ближе. Если я ничего не сделаю, он убьет ее.

– Отойди! – кричит он, голос его дрожит от ярости и страха.

Еще один рывок, и вот ему удается достать пистолет из кармана. Он делает шаг назад, увеличивая расстояние между собой и девушкой в маске, и направляет пистолет ей в лицо.

Жатва заканчивается, и я открываю глаза. Я лежу, полностью истощенный, на твердом бетонном полу моей крошечной серой камеры. Сердце бьется громко и быстро, отражаясь эхом от стен прозрачной стеклянной трубы вокруг меня.

Я пытаюсь подготовиться к тому, что будет дальше, пытаюсь задержать дыхание, но времени нет. Вода хлещет с потолка мощным потоком, и я почти уверен, что задохнусь.

Мои легкие горят, а труба продолжает заполняться водой с химикатами. Мое истощенное тело умоляет меня вдохнуть кислород, но если вдохну, то умру.

Спустя, кажется, лет сто в полу открывается решетка, и стекающая вода под давлением прижимает меня к полу. Вода ушла, я лежу, хватая ртом воздух и пытаюсь откашляться.

Затем приходит горячий воздух: струя непрерывного ветра, горячего настолько, что он практически обжигает мою обнаженную кожу.

Наконец одежда на мне высыхает, поток воздуха прекращается, труба поднимается обратно в потолок до следующего дня, а я, не в состоянии пошевелиться, так и остаюсь лежать на холодном полу.

В Аркане это единственное подобие душа, на которое можно рассчитывать, – утвержденная правительством попытка водой, имитирующая утопление.

Скоро пойдет дождь. Каждую ночь, несмотря на боль после жатвы энергии, я заставляю себя не спать, чтобы посмотреть на дождь. Он начинается в полночь – спустя полчаса после завершения жатвы – и льется стеной, словно муссон, на протяжении тридцати минут.

– Хэппи ¹, поговори со мной, – выдавливаю я, задыхаясь, и экран на стене оживает.

– Да, заключенный? – отвечает мне спокойный, почти

---

¹ Хэппи – счастливый (англ.).

умиротворяющий женский голос.

– Состояние жизненно важных органов? – командую я.

– Сердцебиение двести один удар, замедляется. Давление крови сто сорок на девяносто. Температура тридцать семь и две. Частота дыхания сорок один...

– Хорошо, хорошо, – прерываю я, – спасибо.

Я встаю – от такого простого действия ноги дрожат и сводит мышцы. Я осматриваю камеру и постепенно успокаиваюсь: те же четыре серые стены, голые, только в одной из них дверь тридцать сантиметров толщиной, на другой – экран и крошечное окно в задней стене; односпальная кровать с тонким покрывалом и тонкой подушкой; унитаз из нержавеющей стали в углу и раковина рядом с ним; стопка книг да стол, приваренный к полу, – вот, пожалуй, и все.

Подняв глаза на затемненный экран, вижу, что через пять секунд наступит полночь, а я, кажется, еще не до конца оправился. Изнуренный, я заставляю дрожащие ноги двигаться, подхожу к задней стене и сквозь крошечное прямоугольное окно устремляю взгляд на небо.

Я до сих пор дышу так тяжело, что мне приходится слегка отстраниться, чтобы стекло не запотевало.

Сотни маленьких взрывов вспыхивают в темной ночи. Я не слышу их, потому что комната звукоизолирована, но помню этот звук с детства и могу представить разрывающее воздух эхо. Темные облака, оставшиеся после взрывов, сливаются в сплошную пелену дыма. Дождь начинается с такой

силой, что первые капли буквально отскакивают от бетона. Глубокие лужи образуются за считанные секунды, и запах дождя поражает меня – не настоящий, конечно, но я помню из детства, как пахнет дождь: свежий, чистый аромат. Если закрыть глаза, то я могу отчетливо услышать и шум дождя, каждый раз, когда я думаю об этом, мне хочется выйти и ощутить капли на своей коже, но я не могу.

Дождь означает новый день. Второе июня, мой шестнадцатый день рождения. Я здесь уже более двух лет. Начинается мой семьсот тридцать седьмой день в Аркане.

– С днем рождения, – шепчу я.

– С днем рождения, заключенный номер 9–70–981, – отвечает мне экран.

– Спасибо, Хэппи, – бормочу я.

Я ложусь и стараюсь не плакать, убеждая себя, что пользы от этого никакой, что ничего не поменяется, но не могу остановить слезы в глазах.

Я чувствую близость стен, толстый металл двери, которую я никогда не открою, чувствую тщетность всего этого. Я твержу себе, что мне не нужно соглашаться на Отсрочку, что могу отказаться от нее и принять тот факт, что меня приговорили к смерти, а значит, смерть – единственный выход отсюда. Мне не нужно бороться с этим.

Чувство бесполезности и безнадежности – вот что остается, если лишить власть сострадания, правосудие – милосердия, если позволить машинам решать судьбу людей.

День 737 в Аркане

И снова я просыпаюсь раньше, чем прозвучит будильник.

Я наблюдаю, как экран переключается из неактивного спящего режима в яркое свечение.

07:29 переходит в 07:30, и я повторяю в унисон будильнику:

– Заключенный 9–70–981, сегодня четверг, второе июня.

День семьсот тридцать седьмой в Аркане. Температура в вашей камере девяно...

– Пропустить, – бормочу я и, взмахнув ногами, встаю.

– Хорошо. Пожалуйста, выберите завтрак, – требует голос.

Я прошу Хэппи дать мне тосты и апельсиновый сок.

Я поворачиваюсь к экрану: в левом верхнем углу моя фотография. Это фото было сделано в день моего заключения и получилось ужасным: у меня ошеломленное выражение лица, то тут, то там шрамы выделяются белыми пятнами на моей темной коже; мой нос выглядит больше обычного, а уши торчат, как ручки кувшина. Если бы я был богатым, эти нетрадиционные черты были бы косметически исправлены до моего рождения, но я Убогий, так что жить мне с большим носом, кривыми ушами и шрамами, которые я заполучил уже позднее. Хотя я не против – мама всегда говорила, что они придают мне характер. Под фотографией – инфор-

мация, которую экран зачитывает мне каждое утро: температура снаружи, температура в камере, дата и время, количество дней, прожитых мною в Аркане, и обратный отсчет до моей казни и до следующей Отсрочки – они проходят с разницей в один день.

Под экраном открывается панель, и на маленький металлический стол выкатывается поднос с завтраком.

Тост настолько сухой, что трудно глотать. Закончив, я кладу поднос обратно на панель, на которой он появился, и его увозит конвейерная лента.

– Заключенный 9–70–981, – снова звучит голос Хэппи, – сегодня четверг, вы получаете чистую форму.

– Точно, – отвечаю я, отрывая липучую застежку спереди на белом тюремном комбинезоне и сбрасывая ботинки.

Снимаю трусы – тоже выданные в тюрьме, до невозможности накрахмаленные и грубые – и кладу кучу вещей в лоток, который закатывается по конвейерной ленте обратно. Грязная одежда исчезает, и я жду, стоя обнаженным посреди камеры. Спустя пару секунд появляется чистый комплект одежды, аккуратно сложенной и такой же жесткой.

Я кладу большую часть одежды на кровать, натягиваю дополнительную пару шорт, которые попросил и которые мне выдали как часть тюремной формы, и начинаю разминку: отжимания, приседания, упражнения на пресс, подтягивания

в дверном проеме и еще с полдюжины разных упражнений, пока пот не стекает с меня ручьями. Обычно тренировка занимает не больше часа, но сегодня мне не хочется останавливаться, мне хочется двигаться и убежать от настигающей меня боли. Я начинаю все заново: отжимания, приседания, пресс, подтягивания, – и продолжаю работать до изнеможения и обжигающей боли в мышцах.

Я лежу на полу, абсолютно обессиленный, и, наконец, сдаюсь перед болью.

Мэддокса больше нет.

Я принимаю этот факт, позволяю ему накатить на меня гигантской волной и поселиться во мне.

Я умываюсь водой из крошечной раковины, затем вытираюсь полотенцем и надеваю чистую форму.

– Заключенный 9–70–981, – произносит Хэппи, – приготовьтесь к ежедневному обращению Смотрителя, мистера Галена Рая из Региона 86.

– Замечательно, – бубню я, садясь на кровать лицом к экрану.

По всему городу и в деревнях на окраинах Проекторы-крикуны на какое-то время перестанут извергать голографическую рекламу; Линзы остановят игровые процессы, дополненную реальность и социальные функции; каждый телевизор, модуль виртуальной реальности и любой другой экран будут показывать ежедневное сообщение Галена.

На моем маленьком тюремном экране появляется его

изображение: дружелюбное и располагающее лицо уверенного в себе человека.

– Доброе утро, граждане, – начинает Гален, по его губам расплзается лукавая ухмылка. – Знаю, вы все очень занятые люди, так что буду краток.

Мне не интересны эти ежедневные политические передачи, но если оборвать зрительный контакт, то эфир прекратится до тех пор, пока снова не взглянешь на экран. Проще поскорее с этим покончить.

– Мое обещание увеличить рабочие места для инженеров вскоре принесет свои плоды, и я лично гарантирую, что пятьдесят процентов этих нероботизированных рабочих мест будут зарезервированы для Убогих. Мы не разделенная нация, как заставляют вас думать СМИ; покуда я на посту Смотрителя, я не позволю этому случиться, в мою смену этому не бывать.

Я закатываю глаза, и на секунду, что я оторвался от экрана, изображение Галена, поднявшего палец вверх, замирает, пока я снова не возвращаюсь взглядом к экрану, и тогда он продолжает говорить о своей политике и о том, что Регион 86 стал успешнее, чем когда-либо за последние пятьдесят лет, – с чем я бы поспорил.

Гален завершает обращение своей обычной прощальной речью – «Все как один!» – и следующие два часа я провожу за чтением. Мне повезло: где-то через год после моего заключения я подружился с одним из надзирателей Арка-

на. Рен Солтер – человек. Она коллекционирует антикварные книги – не электронные вроде тех, которые можно отобразить на Линзе, а настоящие бумажные. В Аркане камеры сканируются каждые три секунды, чтобы удостовериться, что заключенный не сбежал, а также на наличие контрабандной электроники, поэтому старинные бумажные книги – это единственный вид книг, которые можно успешно сюда пронести. У подножия моей кровати собраны сто восемьдесят девять книг, начиная от пропахших сыростью вестернов трехсотлетней давности, страницы которых со временем пожелтели, а текст местами стерся, до последних из напечатанных книг примерно времен моего рождения.

Если книга по-настоящему хороша, могу прочесть ее за день. Есть те, которые я иногда перечитываю: истории так хороши, а персонажи такие яркие, что я невольно задаюсь вопросом: а были ли эти книги популярны, когда издавались? «Родня»², «Гарри Поттер», «Жизнь Пи»³ и «Левая рука Тьмы»⁴, например.

Сейчас я на середине книги о семье, запертой в отеле с привидениями. Она написана автором, который мне очень нравится, я прочел минимум пять его книг, и эта, возможно,

---

² «Родня» – роман американской писательницы Октавии Э. Батлер.

³ «Жизнь Пи» – роман Янна Мартела, за который он получил Букеровскую премию в 2002 году.

⁴ «Левая рука Тьмы» – роман американской писательницы-фантаста Урсулы Ле Гуин.

лучшая.

Что мне нравится в книгах, так это то, что я могу на время исчезнуть, погрузиться в места, созданные другим человеком; мне не нужно быть тем, кто я есть, или там, где я сейчас, пока я нахожусь в том другом мире, и порой мне это просто необходимо. Наверное, этим я не сильно отличаюсь от наркоманов, заселивших многоэтажки и трущобы на окраине города.

В 11:30 задняя стена моей камеры медленно скользит вверх. Она движется тихо, и я слышу птиц и чувствую ветер и тепло солнца. Я откладываю книгу в сторону и встаю.

Нам разрешается гулять на свежем воздухе по часу в день. Обычно сорок пять минут из шестидесяти я провожу, бегая по кругу замурованного двора в форме треугольника.

Только когда дверь полностью открыта, можно увидеть, как в действительности выглядит тюрьма. Неудивительно, что по форме это одна сплошная петля – отсюда и название. Аркан представляет собой километр по окружности со ста пятьюдесятью пятью ячейками и одним проходом, который служит и входом, и выходом из тюрьмы; Мрачный поезд связан с Арканом системой туннелей. Максимальная ширина комнаты каждого заключенного – менее трех метров, у стены, ведущей во двор, – два с половиной. Толщина бетонных стен – с метр, потолка – с полметра; это делает камеры звуконепроницаемыми, исключая возможность побега и практически взрывоустойчивыми. Каждый заклю-

ченный получает узкий участок на территории двора – сужающееся по форме продолжение комнаты, простирающееся почти на шестьдесят метров до огромной бетонной колонны в центре, на вершине которой находятся дроны.

Час занятий на улице – это единственная возможность взаимодействовать с другими заключенными. Мы не видим друг друга из-за пятнадцатиметровых стен, разделяющих нас, но можем общаться, и пока задняя стена медленно открывается, я слышу крики и возгласы других заключенных. Слышу, как Пандер Бэнкс поет одну из семи песен, которые помнит из мира за стенами. Закончив петь все семь, начнет по новой.

Я слышу, как дроны по другую сторону двора оживают, угрожая Малакаю Баннистеру, который любит карабкаться по стенам, выжидая, пока охранники-роботы сосчитают до трех, а затем спускается на землю и смеется над ними. В четвертой и пятой камерах справа от моей слышу Пода и Игби – двух самых тихих заключенных в этой тюрьме – играющих в кости, по пять штук на каждого, которые Рен подбрасывает в их камеры. Они, должно быть, предельно честны или невероятно доверчивы, потому что ни один не может видеть через стену, что выпадает другому.

С обеих сторон я слышу планировщиков – группу из четырех заключенных: Адама Кассвелла, Фултона Конвея и Винчестера Шора слева от меня и Вудса Рафку справа, – которые обсуждают способы побега, и идеи их варьируют-

ся от абсурда «использовать технологию полета дронов, чтобы пролететь над стенами» до гениальности «координированная атака с использованием Отсрочки и угоном Мрачного поезда». Они, как и все, знают, что сбежать из Аркана невозможно, и знают, что все наши разговоры записываются, и что, хоть это и незаконно, правительство беспрепятственно может получить доступ к микрокамерам, имплантированным в наши лбы.

Но несмотря на весь беспорядок и гул, я слышу громкий голос, кричащий снова и снова о том, что хочет меня убить. Он постоянно повторяет мое имя: с момента, когда задняя стена открывается, и до самого ее закрытия. Каждый божий день.

– Лука Кейн, – хрипло кричит он, – я убью тебя. Лука Кейн, я тебя убью!

Парень, что выкрикивает эти слова, прибыл в Аркан на следующий день после меня, и все эти семьсот тридцать шесть дней он клянется убить меня. Признаю, сначала меня это пугало, я не покидал свою камеру больше чем на секунду: выходил во двор и тут же возвращался. По такому поведению Хэппи понимала, что я больше не хочу выходить на улицу, и задняя стена закрывалась, оставляя меня одного в тишине. Но вскоре я понял, как был глуп: парень никак не мог до меня добраться, он не мог пройти огромные стены, разделяющие нас: они слишком высоки, а дроны выстрелили бы в него весь яд, если бы он попытался.

Надзиратель сказала мне, что парня зовут Тайко Рот. Самое ужасное, что я понятия не имею, кто он и почему так жаждет убить меня.

Наконец стена поднимается до потолка, и я выбегаю во двор. Я бегу так быстро, как только могу. Чем ближе я к колонне в центре, тем выше она кажется; я замедляюсь, чтобы коснуться ладонью холодного бетона и броситься назад в сторону своей камеры. Бег в центр и обратно занимает менее двадцати секунд, и я повторяю этот круг снова и снова; дыхание становится резким от острой боли в горле, ноги горят. Я чувствую, как в легких накапливается молочная кислота, но ускоряюсь, подавляя боль. Это мой акт восстания: так я говорю правительству, что думаю об их застенках.

Я снова бегу в центр; стены, отделяющие меня от соседних дворов, так близки, что я могу их коснуться. Невольно я вспоминаю о свободной камере справа – она пуста вот уже два дня. Раньше в ней жил Мэддокс Фэйрфакс, мой лучший друг, из Убогих, которого через три месяца должны были перевести в Блок. Мэддокс испытал удачу на одиннадцати Отсрочках, до своей последней операции. Они забрали его глаза и заменили прототипом протезов – смесью технологий и выращенных в лаборатории тканей. Какое-то время новые глаза работали. Когда он вернулся в Аркан, его мучили ужасные боли, швы и воспаление были еще свежими, но он с одного взгляда от стены до стены мог назвать мне точные размеры своего двора, он сразу мог сказать, сколько литров во-

ды заполнили трубу для жатвы, а если над нами пролетал самолет, умудрялся назвать точную его высоту, направление и скорость.

Пока однажды Мэддокс не перестал быть собой. Его тело стало отторгать протезы, в тканях началось заражение. Его увезли на Мрачном поезде для наблюдений, и он так и не вернулся.

Вот в чем заключается риск, если мы соглашаемся на Отсрочку. Ты молишься о нанотехнологическом испытании, вакцинации или косметической инъекции, которая удаляет все волосы на теле или меняет цвет глаз, но время от времени заключенных забирают на Отсрочку, и когда они возвращаются и задняя стена открывается, то мы слышим их крики в агонии, потому что врачи забрали у них ноги, или легкие, или сердце и заменили чем-то новым, роботизированным.

Отсрочки служат для блага Совершенных. Испытания проводят для тестирования новых продуктов, которые делают жизнь богатых лучше; все мы в Аркане просто морские свинки для богачей.

Я думаю о Мэддоксе, о том, как он поддерживал меня первые несколько недель после суда, когда Хэппи обвинила меня в преднамеренном совершении преступлений и признала виновным.

Мэддокс заговорил со мной на четвертый день моей жизни в Аркане, когда я впервые осмелился выйти во двор дольше, чем на секунду. Мы говорили об Отсрочках, о том, что

лучше отказаться от них и принять казнь, чем подчиняться воле правительства, но мы оба знали, что отказаться было практически нереально. Выбрать смерть – это как плюнуть надежде в лицо, и каким бы глубоким ни было отчаяние, надежда всегда остается.

Когда шесть месяцев спустя (после первой операции, обязательной для всех, по имплантации технологии, предотвращающей побег) наступило время настоящей Отсрочки, я долго смотрел на экран, понимая, что вот сейчас приму контракт на Отсрочку, и это будет ампутация, или замена кости, или новая синтетическая кровь вместо моей собственной; я думал, что у меня ничего не получится и я умру в агонии и муках. Ученые в Терминале, где руководят Отсрочками, не убивают милостиво. Они приводят пациента для исследования, а затем наблюдают за ним круглосуточно, пока он не умрет. Они даже не предлагают обезболивающих. Они изучают каждую секунду материала, отснятого на камеры, наблюдая, как тело отвергает новую конечность, как новая поджелудочная железа не приживается или как разрываются укрепленные вены. Они фиксируют уровень боли пациента и то, как его тело реагирует на неудавшийся эксперимент, а затем корректируют испытание и проводят его на другом заключенном.

Говорят, в Блоке еще хуже. Там Отсрочка проводится раз в шесть недель, а не раз в шесть месяцев. Блок – это новое оборудованное здание, строительство которого закончи-

ли семь лет назад. Мало известно о том, что происходит в его стенах, но ходят слухи, ужасающие слухи о пытках, боли и условиях намного хуже, чем в Аркане. Заключенных отправляют в Блок, когда им исполняется восемнадцать. Мне осталось семьсот тридцать дней до совершеннолетия.

Отбрасывая все мысли об Отсрочках, о Блоке, смертных приговорах и Мэддоксе, я просто бегу. Наконец, обессиленный, я упираюсь в стену, отделяющую мой двор от двора, где когда-то упражнялся Мэддокс. Я вдыхаю теплый воздух, задумываясь, как дышится Совершенным? Системы автоматического пополнения кислородом подают кислород в кровоток в семь раз более эффективно, чем исходные легкие, а Автоматические легочные модераторы, или АЛМ, где раньше находились сердца, беззвучно очищают и перекачивают кровь по венам.

Сверхлюди, киборги, Совершенные – те, что смотрят на нас, обыкновенных, свысока, словно мы ничто – Убогие.

Я почти пришел в себя, как вдруг мое внимание привлекли голоса в камерах слева от моей. Заставив себя встать, я подхожу к противоположной стене. Среди пения и воплей, под крики непрекращающихся угроз Тайко Рота, я улавливаю фрагменты из разговора парня и девушки, обсуждающих что-то, происходящее во внешнем мире. Я узнаю голоса Алистера Джорджа и Эмери Фейт.

– Я слышал, там начались волнения и Убогие готовят вос-

стание, – говорит Алистер, его ирландский акцент сливается с хаосом, и конец предложения мне не разобрать.

– Как? – спрашивает Эмери. – Как это вообще сработает? В такой войне не победить.

– Но говорят, что война будет и что... – и снова мне не удается разобрать слова Алистера.

– Но Алистер, войны не было уже сотню лет!

– Да, да, а как насчет всех тех людей, что пропали из города? Я слышал, они прячутся в Красных зонах. Что, если они...

Я напрягаюсь, чтобы услышать больше, пытаюсь уловить предложение Алистера целиком среди какофонии звука, но разговор прерывается завывающими сверху сиренами и голосом Хэппи о том, что у нас осталась одна минута, чтобы вернуться по комнатам. Чтобы напомнить нам о том, что произойдет, если мы не подчинимся приказу, дроны, сидящие на вершине центральной колонны, взмывают в небо и наводят оружие то на одного заключенного, то на другого, сканируя все вокруг. Прежде чем все обитатели Аркана вернутся в свои камеры, где проведут еще один день в тишине и одиночестве, я слышу слова прощания, финальные ноты поющей Пандер и крики Тайко в мой адрес.

Я сижу на кровати, пока стена закрывается, и пытаюсь насладиться напоследок звуком ветра.

Я раздумываю над разговором Эмери и Алистера. Они говорили о войне во внешнем мире, за стеной, но ведь это

невозможно: миром правит единое правительство, которое неукоснительно следует наставлениям Хэппи и ее неопровержимой логике. Есть еще одна причина не поверить подобным слухам: двое заключенных из Аркана никак не могли получить информацию из внешнего мира. Здесь нет ни часов посещения, ни телевизионных трансляций, ни Линз или голографических камер, нет даже модулей виртуальной реальности, и хоть Хэппи как операционная система и использует все эти устройства в своих целях, нет никакого способа получить доступ к информации, даже через экран. Единственный человек, с кем мы можем здесь контактировать, – это надзиратель Рен, которую правительство обязывает приходить к нам раз в день, чтобы приносить обед. Это считается актом сострадания со стороны властей (рекомендованным, конечно, Хэппи), чтобы убедить людей, что с преступниками обращаются не совсем по-скотски.

Последний человек из внешнего мира, которого я видел, – за исключением надзирателя, охранника или доктора из Терминала – была моя сестра Молли: когда маршалы вытаскивали меня из дома, она плакала и умоляла меня не уходить.

То был мой последний день на свободе; меня отвезли в участок, где я признался в своих преступлениях. Хэппи провела надо мной суд, после чего меня отвезли в Терминал, где в запястья вживили магнитопровод, изготовленный на основе кобальта, а к сердцу подключили некое устройство. Это была моя первая Отсрочка – каждый заключенный в Арка-

не подвергается такой хирургической процедуре, поскольку именно так они контролируют нас, предотвращают беспорядки и попытки побега.

Я стараюсь отбросить грустные мысли, эти несчастные воспоминания об окончании моей реальной жизни и начале этой рутины, где изо дня в день не происходит ничего и ничего не меняется, и если Мировое Правительство и дальше будет править, то все так и останется.

– Хэппи, – зову я, поднимая глаза к экрану.

– Да, заключенный 9–70–981? – отзывается голос.

– Воспроизведи паноптическое ⁵ наблюдение, день семьсот тридцать третий в Аркане, время 11:45 утра.

– Выполняю, – отвечает экран.

Статистика и цифры сменяются видеоизображением с паноптической камеры, имплантированной в мою голову. Я слышу свое частое дыхание после пробежки. Камера поворачивается к стене и замирает.

– Привет, Мэддокс! – слышу я свой голос, пытающийся перекричать угрозы Тайко и пение Пандер, но в ответ тишина. – Мэддокс, ты там?

И снова я испытываю страх, сковавший мое сердце в тот день, но подавляю предательские слезы.

Наконец, Мэддокс отвечает слабым и сломленным голосом:

– Думаю, в этот раз я пропал, Люк.

---

⁵ Паноптический – всевидящий, всеохватывающий.

– О чем ты, приятель? – слышу свой голос, полный оптимизма и уверенности, что друг пошутил.

– Кажется, в Блок я так и не попаду. Может, оно и к лучшему.

Я смотрю это видео и вспоминаю, как мое сердце, и без того скачущее после пробежки, забилося тогда еще быстрее от осознания реальности.

– Мэддокс, что происходит?

– Глаза, Люк, они не работают.

Мэддокс был единственным, кому сходило с рук называть меня Люком, и мне стало невыносимо снова слышать, как он произносит мое имя.

– Остановить видеозапись, – приказываю я дрожащим голосом. – Отмотай назад, день четвертый в Аркане, время 11:30.

– Конечно, – отвечает экран.

Я начинаю просмотр. Вот я неуверенно выхожу во двор, дрожа от страха при выкриках Тайко Рота, грозящего меня убить.

– Это ты новенький? – спрашивает Мэддокс.

Я поднимаю глаза к верхушке разделяющей нас стены – камера показывает и это – но молчу.

– Меня зовут Мэддокс. Полагаю, ты и есть Лука Кейн, которому угрожает этот психопат? Не обращай внимания, в башке у парня явно болтается какой-нибудь новый винт, сводящий его с ума.

Я подхожу к стене и кладу ладонь на холодный камень:

– Да, я... я Лука Кейн.

– Лука Кейн, – повторяет Мэддокс, – приятно, наконец, познакомиться с тобой, сосед.

– Почему тот парень хочет моей смерти? – слышу я свой испуганный голос.

– Да кто его знает, – отвечает Мэддокс жизнерадостно и уверенно. – Кого это волнует? Ему до тебя не добраться.

– Заключенный 9–70–981, – прерывает меня Хэппи, пока я смотрю на экран, – у вас осталось две минуты из дозволенного дневного времени на просмотр воспоминаний.

– Отмотать, – приказываю я ей, – день шестой в Аркане, время 11:39.

– Конечно, – отвечает Хэппи.

На экране появляется новая видеозапись: двор, соседняя стена и голос Мэддокса, разговаривающего со мной.

– Дело в том, что к этому месту тоже можно привыкнуть. Люк, старина, расслабься, устройся поудобнее. Если тебе по-настоящему не повезет, то ты здесь надолго.

– Если не повезет? – слышу я свой голос, куда более узнаваемый, нежели тот испуганный и заикающийся голос мальчишки в четвертый день.

– Именно, – отвечает Мэддокс. – Мы лабораторные крысы, парень. В конце концов, нас не ждет ничего хорошего.

– Тогда зачем соглашаться на Отсрочки?

Он снова рассмеялся:

– Я задаю себе этот вопрос каждый раз. Знаешь, как они это делают? Как казнят нас?

– Я думал, они используют сердечный детонатор.

– Они используют Стиратели. Видел когда-нибудь такой? Они похожи на половину ракетки для тенниса, но без струн, наподобие серпа, и если какая-то часть тебя пройдет через его середину, она сотрется на крошечные, микроскопические кусочки. Вот наступит следующая Отсрочка, и посмотрим, хватит ли тебе смелости согласиться на Стирание.

Экран становится черным.

– Вы исчерпали свою дневную норму на просмотр воспоминаний.

– Отлично, – бурчу я. – Могу я остаться один?

– Конечно, – отвечает Хэппи, и экран гаснет.

Я убеждаю себя перестать думать о Мэддоксе. Постоянное размышление о нем пользы не принесет, не вернет его.

Я ложусь на спину и достаю книгу из-под подушки. Прочитав пару слов, я снова с головой погружаюсь в яркий мир. Это лучше, чем любая Линза или голографическая камера с ее технологиями воображаемых манипуляций.

Прошло два часа; раздвижная панель двери в мою комнату открывается, и до меня доносится голос Рен:

– С днем рождения, Лука.

Хоть она и прервала мое чтение, но я очень рад слышать ее голос.

Рен начала работать в Аркане всего год назад. Надзирате-

лем был жестокий старик по имени Форрест Гамлет, который обычно на все про все тратил не более пяти секунд: выкрикивая вопросы, совал обед через проем в двери и, захлопнув люк, пропадал до следующего дня. Но по-настоящему ужасным было то, что я с нетерпением ждал встречи с ним. Аркан научил меня никогда не умялять силу одиночества – оно может заставить вас скучать даже по самым ужасным обстоятельствам вашей жизни.

Но Рен другая. Да, она из Совершенных, но не такая, как все, она искренне заботится о заключенных и их психическом здоровье.

– Спасибо, – отвечаю я, садясь к ней лицом.

– Как книга? – спрашивает она; светлые волосы идеально обрамляют ее лицо, подчеркивая зеленую глубину глаз.

– Потрясающая, – отвечаю я, отмечая страницу лоскутом ткани, который оторвал от наволочки, и кладу книгу на кровать. – Честно, она невероятная, пока одна из лучших.

– Да, мне она тоже нравится, – поддерживает Рен, улыбаясь. Ее улыбка очень красива – как же иначе, она ведь Совершенная, а значит, ее родители заплатили, чтобы она родилась красивой и генетически безупречной, не говоря о дюжине технологических усовершенствований; но почему-то ее улыбка кажется такой настоящей, такой естественной.

– Ты еще не читал его серию фантастических рассказов – кажется, это его лучшие работы.

– Жду с нетерпением, – говорю я.

Рен протягивает руку сквозь дверной проем, это запрещено – экран на стене загорается красным, и Хэппи твердо возражает:

– Проникновение. Блокировка через пять секунд, четыре, три...

Я быстро встаю, увидев маленькую посылку в руке Рен, завернутую в серебристо-красную бумагу. Я хватаю коробочку, не отрывая от нее глаз; Рен быстро убирает руку, и предупреждения Хэппи тут же прекращаются.

– Подарок? – спрашиваю я, вглядываясь в проем.

– У тебя же день рождения, – отвечает Рен, пожимая плечами.

– Я не думал... – начинаю я, но не договариваю; вместо этого я срываю бумагу.

– Это просто еще одна книга, – объясняет Рен, – но очень хорошая.

Я переворачиваю твердый переплет в руках: на обложке зеленого цвета изображены стебли травы в поле. Я читаю название: «Братство Кольца».

– Это первая часть трилогии, – поясняет Рен. – Думаю, тебе понравится.

– Это потрясающе, – благодарю я. – Спасибо тебе.

– Без проблем.

– Начну ее читать сразу после этой, – я киваю в сторону лежащей на кровати книги. – Может, хочешь забрать какие-то из них? – я указываю на небольшую гору произведе-

ний у подножия кровати. Рен качает головой.

– Ты спрашиваешь меня об этом каждый день, – смеется она. – Оставь их себе, я покупаю по десять штук за монету в «Винтажном магазине».

– Уверена? – спрашиваю я.

Рен снова кивает, и я осознаю – далеко не в первый раз – что эти книги, которые кажутся мне бесценным сокровищем, не стоят на самом деле ни гроша во внешнем мире, где всем правят технологии и полное погружение.

– Уверена, – отвечает Рен. – Ну, как поживаешь?

Следующие десять минут мы с Рен болтаем об успехах моей любимой команды скейтеров, играющей за стеной; о хороших фильмах, которые она недавно посмотрела; об ее амбициях стать виртуальным архитектором, о том, как она изучает код в свободное время; и вот ей уже пора уходить.

Она протягивает мне бутерброд на обед и прощается.

И это самая грустная часть моего дня. Люк захлопывается, и я понимаю, что увижу Рен аж через двадцать четыре часа. Сейчас нет и трех часов дня, мне больше нечем заняться, кроме как читать и ждать начала жатвы энергии.

В одиночестве и тишине я ловлю себя на мысли о том, как тяжело было бы в тюрьме без Рен. К моменту, когда Форрест ушел, я провел здесь почти год и чувствовал, как Аркан давит на меня. Я ощущал каждую секунду каждого часа, время, тающее в бесконечности, и мне казалось, что я сойду с ума.

Но однажды, когда люк открылся, а я лежал на кровати,

ожидая услышать грубый голос Форреста Гамлета – который, надо сказать, совсем не подходил его стареющему, но привлекательному лицу Совершенного, – выкрикивающий утвержденные правительством вопросы, я услышал ее:

– Привет, я Рен, новый надзиратель.

Кажется, тогда я обрел надежду; маленькая искра зазглась в моей груди, когда я сел на кровати и увидел ее, улыбающуюся мне; невероятные зеленые глаза – светящиеся глаза Совершенного, широкая улыбка, обнажавшая белоснежные зубы. Я поздоровался в ответ, и мы поговорили – ничего особенно глубокого или значимого, просто дружеская беседа. Как поживаешь? Как тебя зовут? Как давно ты здесь? Казалось, ей и правда было не все равно.

Я влюбился в нее, когда она впервые принесла мне книгу. Это был настолько простой жест. «Чтобы скоротать время», – она рассмеялась, когда я уставился на черную обложку с красным силуэтом волка, воющего на луну. Она сказала, что я смотрел на книгу так, будто увидел чашку ледяной воды посреди пустыни, а я ответил, что так оно и было. Банально, конечно, но Рен улыбнулась. Это была книга «Зов предков» Джека Лондона – старинный роман о собаке, прибившейся к стае волков, – и она мне так понравилась, что я прочитал ее дважды, прежде чем Рен вернулась на следующий день с другой книгой. Я до сих пор могу цитировать ее по памяти.

С тех пор Рен приносила мне по книге почти каждый

день. Она тратила личное время, чтобы войти в Интернет, используя свою Линзу, посетить Молл – виртуальный торговый центр с более чем четырьмя миллионами бутиков, зайти в один из антикварных магазинов и выбрать для меня новую книгу, которую через час после покупки дрон доставит прямоком к ее дому. Она была самоотверженной, доброй, милой. Она не была похожа ни на одного из тех Совершенных, кого я когда-либо встречал.

Рен спасла меня от безумия, которое, словно болезнь, поражает здесь многих заключенных. Во время прогулки во дворе я слышу, как они несут всякий вздор, разговаривая сами с собой, неспособные после своей чрезмерно активной жизни за стенами адаптироваться к мучительному одиночеству в Аркане.

Я стою, не отрывая взгляд от люка, где пять минут назад стояла Рен, и улыбаюсь своей удаче. Я храню это приятное чувство в душе так долго, как только могу, и жую бутерброд.

В пять часов вечера на экране отображаются варианты ужина, я выбираю суп и хлеб, которые появляются в проеме уже через несколько секунд. Я ем, и в 17:25 экран велит мне встать в круг света, появившийся на полу моей камеры. Я вздыхаю: пришло время для жатвы энергии.

В минуты перед жатвой к нам с экрана вместо Хэппи обращается сам Гален Рай.

– Пожалуйста, снимите все элементы одежды, – велит он

обыденным голосом.

Можно отказаться, но наказанием будет яд дронов. Я отрываю липучки на обуви (в Аркане шнурки запрещены) и бросаю ее на кровать. Расстегиваю белый комбинезон, стягиваю его вниз и бросаю к обуви. Я стою посреди камеры обнаженный. Голос Галена продолжает:

– Держите руки вдоль тела, ноги вместе. Заключение, знайте, что жатва энергии – это часть вашего наказания. Запомните, преступность недопустима. Ваши страдания послужат сдерживающим фактором для тех, кто за пределами тюрьмы подумывает о преступной жизни.

– Ой, да заткнись ты, – бормочу я.

С потолка опускается большая стеклянная труба. Жатва начинается каждый вечер в 17:30. И начинается она быстро.

Я испытываю прилив адреналина; сердце переходит от нормального ритма к учащенному, все мышцы в моем теле начинают напрягаться и сжиматься так сильно, что кажется, будто вот-вот разорвутся на куски. Я падаю, не в силах справиться с дрожащими конечностями, и ударяюсь лицом о стекло трубы. Мне хочется кричать от боли, но горло словно сдавлено. Наконец, трубу наполняют микроскопические наноботы. Они проникают под кожу и в вены на висках и, скользя по потокам крови, попадают в мой мозг, где размножаются и получают доступ к центрам страха в неокортексе ⁶

---

⁶ Неокортекс – новые области коры головного мозга, которые отвечают за сенсорное восприятие, выполнение моторных команд, осознанное мышление.

и миндалине ⁷. Они заставляют меня думать, что моя жизнь находится в большой опасности, и я уверен, что умру. Как бы я ни старался убедить себя, что это всего лишь процесс жатвы, что именно так они получают власть, необходимую им, чтобы управлять Арканом, при этом освобождая Совершенных от уплаты налогов на содержание нашего заключения, – я все равно не могу избавиться от чувства уверенности, что моей жизни конец. Я извиваюсь, бьюсь в конвульсиях и цепляюсь за стекло, отчаянно пытаюсь найти выход.

Я падаю на пол и, обретя голос, кричу.

Жатва энергии продолжается шесть часов, которые кажутся днями.

Когда все наконец заканчивается, я физически и эмоционально истощен. Мокрый, я лежу на бетонном полу, пот ручьями льется с моего тела; затем на меня обрушивается вода, едкая и насыщенная агентами для дезинсекции, триглицеридами ⁸ и подобием хлорной извести. После чего меня обдувает горячим воздухом, высушивающим воду и пот до шелушения кожи, и, наконец, труба удаляется в потолок.

Я по-прежнему лежу, но уже через пару минут улыбаюсь при мысли, что завтра снова побегу – я буду бежать до изнеможения, чтобы им нечего было из меня выкачивать.

Я подползаю к кровати и, посмотрев на часы, считаю ми-

---

⁷ Миндалина играет ключевую роль в формировании эмоций.

⁸ Триглицериды – жиры, один из основных источников энергии для клеток организма.

нуты до полуночи.

В полночь я подхожу к окну и наблюдаю за выпускаемым правительством дождем, который длится тридцать минут; рассчитанный в достаточном объеме для растений и деревьев, он служит для того, чтобы завтрашний день обрел идеальный облачный покров, пропускающий идеальное количество солнечного света, необходимого, чтобы обитатели этого квадранта Земли были совершенно счастливы и здоровы.

Спустя полчаса дождь прекращается, и я могу лечь спать.

Я лежу в постели и практикую язык жестов, которому учила меня мама, когда я был ребенком, и луна отбрасывает на стены тени моих пляшущих пальцев. Я изображаю имя сестры – Молли; называю свой старый адрес – дом сорок четыре, сто семьдесят седьмой этаж, Вертикаль «Черная дорога»; называю имя Рен, а затем повторяю весь алфавит.

Завтра я сделаю все то же самое, и послезавтра, и каждый день до тех пор, пока мне не исполнится восемнадцать и меня не заберут в Блок, или удача отвернется от меня на Отсрочке, или я свалюсь от какой-нибудь новой болезни из Красной зоны.

Так и живем. Такова жизнь в Аркане.

День 738 в Аркане

Я просыпаюсь раньше будильника, съедаю завтрак и приступаю к тренировке. В 09:00 начинается обращение Галена.

До 11:30 я читаю, пока, наконец, задняя стена не открывается тихо и медленно на целый час.

Я бегу от камеры до колонны и обратно, снова и снова, стараясь изо всех сил – и так проходит сорок пять минут. Оставшиеся пятнадцать минут я отдыхаю, наслаждаясь теплым солнцем, слушая пение Пандер и угрозы Тайко, и возвращаюсь в камеру.

К приходу Рен я почти дочитал книгу.

Мы разговариваем десять минут. На обед у меня салат. Рен уходит, и я снова остаюсь один в тишине до начала следующей жатвы энергии.

Шесть часов кряду я мучаюсь в страхе и боли. Наконец жатва завершается, и я ползу к окну, чтобы понаблюдать за дождем, а после свалиться в постель и погрузиться в беспокойный сон.

День 739 в Аркане

Я просыпаюсь раньше будильника.

На завтрак выбираю кашу.

Тренировка.

Обращение Галена.

Книга.

Пробежка.

Рен приносит обед – овощной ролл.

Сажу в тишине.

Выбираю ужин.

Начинается жатва.

Наблюдаю за дождем.

Ложусь спать.

День 740 в Аркане

Прежняя рутина...

День 741 в Аркане

День за днем...

День 742 в Аркане

Это никогда не кончится.

День 743 в Аркане

Я просыпаюсь раньше будильника, с улыбкой.

Сегодня среда, а по средам рутина нарушается.

День проходит так же, как и все остальные, но именно в среду кажется особенно бесконечным. Каждая минута словно час, каждый час – как день.

После тренировки я то и дело смотрю на часы, нетерпеливо ожидая, когда большая часть этого тягучего дня волшебным образом исчезнет, но цифры неумолимы.

Рен приходит в обычное время, но сегодня она молчалива и более осторожна. У нас есть секрет, который мы не можем обсуждать. Не раньше двух часов ночи.

Рен прощается и, подмигнув, закрывает люк. Я улыбаюсь в ответ, замирая от счастья.

Я встречаю жатву с улыбкой. Да, стоит болезненному процессу начаться, как улыбка исчезает, но сегодня я могу с этим справиться. Дождь приходит и уходит, я лежу на кровати, чувствуя, как силы постепенно возвращаются. Но сегодня я спать не буду, сегодня я жду.

Я наблюдаю, как время на часах переключается с 01:59 на 02:00, и на долю секунды экран мерцает.

Я достаю из-под подушки шапку и натягиваю черную вязаную ткань на паноптическую камеру, встроенную у меня во лбу. Это всего лишь мера предосторожности, ведь пра-

вительство может получить доступ к этим камерам только с разрешения гражданина, или если тот подозревается в активном участии в совершении преступления, или в случае пропажи человека.

Я сажусь на кровати, не сводя глаз с толстой стальной двери, жду. Слышу щелчок замка с металлическим скрежетом, ручка снаружи опускается. Дверь открывается.

– Готов? – спрашивает Рен, улыбаясь. Она невероятно красива на фоне этой серой комнаты.

Кивнув, я встаю, задерживаюсь у порога и, сделав глубокий вдох, выхожу в просторный коридор Аркана. Я слышу, как Рен переходит от камеры к камере, открывая замки, чтобы мы на целых три часа могли насладиться свободой – а другой свободы нам и не видать.

Я иду вслед за Рен по изгибающемуся коридору и, глядя, как она открывает камеру Джуно, не могу сдержать восхищения ее смелостью и самоотверженностью. Рисковать работой, свободой и даже жизнью, пользуясь единственным недостатком в системе безопасности Аркана: трехчасовая диагностика системы, на время которой сканеры в камерах отключаются. Нет в мире другого такого Совершенного, который сделал бы нечто настолько удивительное для Убогих, не говоря уже об осужденных Убогих.

– Продолжай пялиться, – подтрунивает появившийся рядом Вудс, ухмыляясь и обнажая редкие зубы, и по-дружески толкает меня крепким плечом. – Ничего так, не правда ли?

– Я не... Я вовсе не пялился на нее, – отвечаю я, заикаясь.

– Ну, конечно. – Его широкие плечи сотрясаются от смеха. Он идет дальше по коридору к камере своего друга и товарища по планированию побега, Винчестера.

Коридор заполняется освобожденными заключенными. Они танцуют и поют, прыгая по широкому коридору, собираясь группами по двое, по трое и даже по четверо, чтобы поболтать, поддержать друг друга за руки и на три часа побыть людьми.

Нет в мире ни впечатления, ни подарка, сравнимых с теми эмоциями, что переживаем мы в эти минуты, когда можем смотреть друг другу в глаза и разговаривать без разделяющих нас стен и без подслушивающих микрофонов.

Наконец Рен выпускает последних счастливых – тех из нас, кому она доверяет, достаточно уравновешенных и решительных, не представляющих угрозы для жизни других и способных сохранить тайну, которая может заточить Рен в тюрьму, если станет явью.

Я наблюдаю, как выходит из камеры Малакай. Он из Убогих, которому повезло родиться высоким и привлекательным. По правде говоря, даже красивым. Совершенные называют таких Безупречными. Нет, он не идеален, как Совершенные, но это делает его даже более обаятельным: слегка изогнутый нос и глаза-бусинки не портят его природного очарования. Я отвожу взгляд, увидев, что Рен отвечает ему улыбкой на улыбку, и пытаюсь сосредоточиться на чем-то

ином: мое внимание привлекает небольшая трещина в стене. Я не отрываюсь от нее, стараясь противостоять жгучей ревности, разрывающей мое сердце.

Смех Рен подрывает мою решимость. Она поворачивается к группе, подняв обе руки над головой. Как и все в этом полуночном клубе, она надела шапку, чтобы прикрыть свою паноптическую камеру.

– Ребята, прошу, послушайте, – призывает она, и гул в коридоре утихает. – Простое напоминание правил: вам всем нужно вернуться в свои камеры к 04:59, ни секундой позднее, иначе нас поймают. Не выходите за линию срабатывания детонирования... по понятным причинам.

Последние ее слова веселят нас. Мой взгляд устремляется к выходу из тюрьмы – проход между двумя камерами, ведущий к платформе Мрачного поезда.

Рен продолжает:

– Если вам что-то нужно, что-то не электронное, скажите мне, я постараюсь принести. Вы знаете, я не могу вступать в контакт ни с кем во внешнем мире, риск слишком велик, извините. Если у вас есть...

– Винчестер? Эй, где он? Что происходит? Где он?

Речь Рен прерывается голосом Вудса, таким раскатистым, что эхо отражается от стен коридора.

Все оборачиваются на суету, пока Вудс проталкивается мимо Пандер, Акими и Джуно, направляясь к надзирателю.

– Открой его камеру, Рен, – требует он.

– Вудс, послушай, – отвечает Рен, медленно покачивая головой, – он еще не вернулся из Терминала.

Я буквально вижу, как надежда покидает Вудса, хоть и стою у него за спиной – он весь ссутулился и сжался.

– Он даже не сказал мне... Я думал, он просто проспал сегодняшнюю прогулку... Когда... когда он ушел?

– Его Отсрочка состоялась в десять утра, – отвечает Рен. – Это не значит, что он не вернется, Вудс, люди порой возвращаются из Терминала и спустя несколько дней, ты же знаешь.

– Да, но обычно они не возвращаются совсем.

Он прав. Мы все понимаем, что произошло, и объяснять нет нужды. Когда Вудс убегает в свою камеру, захлопнув за собой дверь, мы обмениваемся сочувственными взглядами: каждый из нас на следующей Отсрочке может подвергнуться хирургии, с любым может произойти то, что случилось с Винчестером.

– Как бы то ни было, – продолжает Рен, обращаясь к группе, – наслаждайтесь своими тремя часами.

Постепенно гул усиливается: мы отпускаем мысли о судьбе невернувшегося товарища и наслаждаемся тем временем, что у нас осталось. Помимо правил Рен, между заключенными есть несколько своих, неписанных: в нашем полуночном клубе не жалуется, не говорят о прошлой жизни и не задают вопросов о том, как здесь оказались. Никому из нас не хочется думать о таких вещах.

Джуно пользуется случаем, чтобы подойти к Рен. Я наблюдаю за движениями ее исхудавшего тела: белый тюремный комбинезон висит на ней, едва не соскальзывая с плеч; она подходит к надзирателю и говорит тихо, но каким-то образом мне удается слышать каждое слово:

– Ты думала о том, что я сказала на прошлой неделе? Удалось что-нибудь достать?

– Джуно, ты же знаешь, я не могу пронести «Побег»⁹ сюда. Они включили тебя в программу, помнишь? Ты же слезла с этой дряни, так зачем снова начинать?

Тусклые серые глаза девушки впиваются в ярко-зеленые глаза надзирателя; Джуно цинично улыбается, качая головой, длинные волосы песочного цвета спадают ей на лицо.

– Знаешь, почему люди слезают с них? Ради лучшего будущего. А я здесь помру, это факт, и ты это знаешь. У меня нет будущего. Ну, пожалуйста?

Рен оглядывает исхудалое лицо девушки:

– Извини, Джуно, я просто не могу.

Джуно покусывает губы, пытаюсь прогнать выступившие слезы.

– Хорошо, – шепчет она.

– Тебе нужна еще бумага? Новый карандаш? Твои рисунки удивительные, Джуно, сосредоточься на этом...

Но Джуно уже не слушает. Повернувшись, она уходит и,

---

⁹ Вещество является вымышленным. Любое употребление подобных средств смертельно опасно!

скрестив ноги, опускается на пол рядом с Подом и Игби, которые сидят друг напротив друга, и, бросая кости, сражаются с воображаемыми существами. Сделав ход, Под подсчитывает числа, нащупывая пальцами каждую грань кубика, подняв слепые, ничего не видящие глаза. В отличие от Джуно, Под – крепкий и широкоплечий малый. Игби ниже и стройнее. Он из Региона 19, ранее известного как Южная Корея. Он умен, сообразителен и ругается как никто другой. А еще у него самая ужасная залысина, каких я ни у кого из ровесников не видывал.

Пандер запекает одну из старых песен времен наших прапрадедов. Ей всего тринадцать, она не очень общительна, но любит петь. За очками в толстой оправе прячутся глаза, большие и карие. В ушах у нее слуховые аппараты, на шее шрам – но все это, что Совершенные назвали бы недостатками, становится незаметным, когда она начинает петь. Под глазами у нее татуировки, набитые белыми чернилами, чтобы отчетливее выделяться на темной коже. Это бандитские наколки, о которых никто никогда не спрашивает.

Мимо пробегают Чиррак и Кэтрин, двое молодых заключенных, которые явно влюблены друг в друга, но так и не признаются в этом, несмотря на постоянную угрозу смерти. Они гоняются друг за другом, играя в уличные игры, в надежде уединиться.

Акими повторяет свой полуночный ритуал: Рен протягивает ей бумажный пакет с одеждой, и девушка исчезает в сво-

ей комнате. Выйдя в коридор уже в красном летнем платье и белых кроссовках, она начинает кружиться в танце под пение Пандер. У Акими акцент Региона 70, некогда известный как восточноевропейский акцент, но он заметен, лишь когда она рассержена или напугана, а когда она злится, ее милые острые черты лица становятся угрожающими и пугающими.

Адама и Фултона можно было бы принять за близнецов: оба с черными короткими волосами и бледной кожей. Обычно к ним присоединяются Винчестер и Вудс, но сегодня, стоя рядышком друг с другом, они обсуждают планы побега только вдвоем.

Рина Ито скачет и прыгает по коридору, смеясь и кружась, вопреки всем последствиям жатвы; она скользит ладонью по стене, ее выющиеся ярко-рыжие волосы пляшут в воздухе, спадая на глаза.

– Дочитал книгу? – голос Рен выводит меня из раздумий.

– Привет, – отвечаю я, оборачиваясь и улыбаясь ей. – Да, почти. Ты права, она потрясающая.

– Дальше еще интереснее, – Рен улыбается мне в ответ. – Третья книга моя любимая.

– Жду не дождусь.

– Ну, что-нибудь еще хочешь? Напоминаю: не электронное.

– Наверное, вторую книгу и третью, – отвечаю я.

– Уже, – говорит она, – я оставила их в твоей комнате. – Коснувшись моей руки, Рен уходит.

– Эй, постой, – зову я ее. Она поворачивается, и я осознаю, что не собирался ничего говорить, просто не хотел, чтобы она уходила.

– Да?

Молчание становится неловким, и я хватаюсь за первую пришедшую в голову мысль:

– Там правда ходят слухи о грядущей войне?

Прищурившись и улыбаясь шире, Рен переспрашивает:

– Что?

– Ну, там, во внешнем мире, ходят слухи о войне?

Рен смеется.

– Нет, Лука, с кем бы мы стали воевать? Мы одна нация, вся планета под единым правлением и все такое. Война? Это безумие.

– А что насчет Исчезнувших? – спрашиваю я. – О них есть новости?

– Ну да, люди по-прежнему исчезают, даже чаще, вообще-то, около четырех человек в месяц, но... – Рен снова смеется. – Лука, к чему все эти вопросы?

Я смеюсь в ответ:

– Да так, ничего, просто в таких местах начинаешь потихоньку сходить с ума, тебе слышатся разные глупости.

– Что ж, будь спокоен, нет никакой войны.

– Отлично, и знаешь... спасибо тебе за все это. Безумие: ты рискуешь всем, чтобы дать нам кусочек свободы, для нас это много значит, понимаешь?

– Оно того стоит, – отвечает Рен, поправляя прядь волос за ухо. – То, как с вами тут обращаются... Я не голосовала за такое. Меня не волнует, что говорит Хэппи и насколько все это логично, я бы никогда... Этот риск того стоит.

– Что ж, я просто хотел сказать спасибо.

Неправда, я хотел сказать, что люблю ее, что готов разнести это место на миллион кусочков и сбежать с ней – но даже в мыслях это звучит очень глупо.

– Не за что, – отвечает Рен.

Она подходит к Малакаю и игриво похлопывает его по руке, радостно посмеиваясь, пока он рассказывает ей какую-то историю.

Я отворачиваюсь, пытаюсь стереть из памяти увиденное.

Я вижу, как Алистер и Эмери, прижавшись к стене, обнимаются и нежно целуются. Копна отбеленных волос Алистера буквально сияет при свете тусклых ламп. Я думаю обсудить с ними те слухи, о которых они говорили во дворе, узнать, откуда они получили такую информацию, но не решаюсь прерывать их.

– Хочешь снова поиграть в прятки? – слышу голос за спиной. Обернувшись, вижу Харви на старомодных стальных костылях под мышками. У мальчика церебральный паралич – болезнь, которой больше не должно быть, но Харви родился бедным.

– Помнишь, что случилось в прошлый раз? Малакай накричал на тебя за то, что ты спрятался в его комнате.

– Да к черту его! – ухмыляется Харви. – Я пну его вот этим костылем, если он снова начнет орать. – Харви размахивает костылем.

Я смеюсь:

– Может, в следующий раз?

– Ладно, неудачник. Все как один! – напевает он и ковыляет дальше искать, с кем бы поиграть.

В этом Регионе на последних Земных выборах с огромным отрывом победил нынешний смотритель Гален Рай, чей слоган звучит «Все как один!». Он стал культовым героем как среди богатейших членов общества, так и среди самых бедных. У него была способность бросать вызов самым экстремальным политическим задачам. Он пообещал усилить миграционный контроль, в то время как остальной мир ослаблял границы; он пообещал искоренить бездомность, восстановив обязательный призыв на службы экстренной помощи; а еще он пообещал голосовать против алгоритмов машин, когда почувствовал, что на карту поставлены человеческие разумность и воля. Он собрал голоса бедных, убедив их, что будет бороться за них, пообещав бесплатное обучение виртуальной архитектуре, людям-инженерам – работу с ториевыми реакторами, больше рабочих мест для преподавателей в семьях с низким доходом и неимущим семьям. Галену предрекали провальное поражение. Я помню, как отец наставлял меня слушать внимательно его выступления. Не так звучат ненависть и фашизм, говорил отец, это голос чи-

стой манипуляции. Голос человека, знавшего, как объединить противников против нового общего врага и использовать это в своих интересах.

Рай победил с рекордным отрывом. Его сторонники убеждены непреклонно: он – сила добра. А вот я в этом сомневаюсь.

Я наблюдаю, как Харви своим костылем ставит подножку Чирраку, и мальчишки вместе смеются. Мне больно смотреть, как детство этих детей стораает в такой дыре. Совсем недавно я был одним из них, да и во многих отношениях я до сих пор остался ребенком.

Я гоню эти мысли прочь; эти часы даны мне для счастья, хоть и недолгого. Я подхожу к Акими, в стороне танцующей в платье, одолженном на время. Она хватает меня за руки, и мы танцуем вместе, улыбаясь и смеясь, наслаждаясь этими мимолетными минутами.

Завтра будет очередной обычный день в Аркане.

День 744 в Аркане

5:32 утра, просыпаюсь от грохота стен вокруг.

Я тут же настораживаюсь. Все, что нарушает рутину, может вызвать во мне реакцию дать отпор или сбежать.

Я осознаю, что это не столько звук, сколько ощущение – вибрация, похожая на незначительное землетрясение, сотрясающее землю под гигантской тюрьмой. Я знаю, что это: Мрачный поезд. Прибывает новый заключенный.

Я закрываю глаза, пытаюсь снова погрузиться в сон, но мне не уснуть, это очевидно. Несмотря на изматывающее воздействие жатвы на мой организм, мозг бодрствует.

Я встаю, подхожу к двери и прислоняюсь к ней ухом, словно каким-то образом могу услышать, как новый заключенный проходит длинный путь по коридорам Аркана до своей камеры. Но, разумеется, я могу услышать только одно: глубокую и бесконечную тишину, с которой и живу каждый день.

Мне не хочется начинать утро так рано: два дополнительных часа бодрости могут оказаться целой вечностью в этом месте, так что я ложусь поверх одеяла и смотрю на потолок сквозь тусклый свет.

Я возвращаюсь в свой собственный мир. История, которую я пишу в своей голове. Это техника, которую я разработал, чтобы не терять рассудок в бесконечные часы молчания. Мне удастся на время потеряться в другом мире, как с книга-

ми. Эта история разворачивается в далеком прошлом, задолго до того, как все перешло под контроль машин, до внедрения заблаговременных косметических улучшений богачей, до восхождения Совершенных и их господства над Убогими, задолго до Галена Рая. Времена, о которых рассказывал мой отец, – очень короткий период в жизни человечества, когда мы почти все поняли верно, не каждый и, может, не до конца, но почти, почти.

Я гуляю по этому миру вдали от Аркана; я свободен, могу ходить куда угодно, но всегда оказываюсь в одном и том же месте – где живут мои воспоминания; куда мы обычно ходили всей семьей долгими летними днями; где на четыре-пять часов мы забывали обо всем и просто отдыхали. Сестра и отец со мной, нет никаких Совершенных и Убогих, нет ни войны, ни ненависти. Эта история небогата событиями – никаких конфликтов, опасностей, неожиданных поворотов судьбы, – но в ней я счастлив. И да, Рен в этом мире тоже существует, да, порой я гуляю по берегу реки, держа ее за руку, иногда она улыбается мне, и на время я забываю, что все это не наяву. Я понимаю, что легко могу затеряться в иллюзиях, и потому не виню тех из внешнего мира, кто прирастался к «Побегу».

Я даже не заметил, как прошло время: уже 07:30, и из динамиков слышится голос Хэппи.

– Заключенный 9–70–981, сегодня четверг, девятое июня. День семьсот сорок четвертый в Аркане. Температура в ва-

шей камере девятнадцать градусов по Цельсию. Пожалуйста, выберите завтрак.

И все начинается по новой: я поедаю безвкусный завтрак, смотрю обращение Галена, выполняю физические упражнения, открываю вторую книгу трилогии – «Две башни», читаю.

Я настолько погрузился в фантастический мир Средиземья, что не сразу обращаю внимание на пение птиц и легкий ветерок, когда в 11:30 открывается задняя стена. Я быстро помечаю страницу, разминаю ноги и выбегаю на солнечный свет.

Снова слышу смесь звуков со всех уголков Аркана: все те же разговоры, что и накануне, словно время остановилось, несвязный бред сумасшедших, пение Пандер и, конечно, непрекращающиеся угрозы Тайко.

– Лука Кейн, я убью тебя! Убью тебя, Лука!

Я так хорошо научился блокировать звуки и угрозы, что не сразу расслышал плач за соседней стеной слева.

Завершив первый круг и развернувшись, чтобы побежать в сторону колонны, я подумал: должно быть, это новенький.

Я чувствую, что обязан помочь соседу, как это сделал для меня Мэддокс; сказать, что все будет хорошо, что страх уйдет. Но не сейчас – сейчас мне нужно завершить пробежку. Осталось сорок три минуты.

Кажется, солнце сегодня греет теплее обычного, что невозможно, ведь машины поддерживают постоянную тем-

пературу в этой части света: девятнадцать градусов с восемью утра до пяти вечера с постепенным понижением до пяти градусов ночью. Наверное, из-за мыслей о новом заключенном, или даже о будущем друге, я сегодня особенно истощен. В конце каждого круга я смотрю на часы, а они будто остановились.

Наконец, сорок пять минут мучительного бега заканчиваются, и, обессиленный, я упираюсь в стену.

Я позволяю звукам Аркана снова поглотить меня: фоновая болтовня заключенных, красивое пение Пандер, непрерывная приключенческая игра Игби и Пода и непрестанные угрозы Тайко Рота, без устали обещающего убить меня; но поверх всего этого гомона я слышу, как некоторые противные заключенные прознали, что в Аркане появился новенький, и донимают его привычными издевками.

– Добро пожаловать в Аркан! Тут ты и подохнешь! – выкрикивает один.

– Хватит реветь, иначе на жатве с тебя нечего будет взять! – с насмешкой кричит другой.

В конце концов я снова слышу за стеной тихие рыдания. По голосу я почти наверняка могу сказать, что новый заключенный – девушка.

Я знаю, что она чувствует. Прямо сейчас она сидит в камере или на улице в сером бетонном дворе, испытывая одиночество и безнадежность, каких никогда раньше не знала. Я тоже через это прошел. А слова бессердечных заключенных

– точно кулаки по голове.

Невиданная жестокость; они отнимают у тебя жизнь не задумываясь. Все происходит мгновенно: проводят судебное разбирательство по телевизору за считанные минуты, не решают ни с кем попрощаться, тащат на платформу, где ты ждешь поезда столько, сколько нужно, затем первая операция, чтобы ты никогда не смог от них убежать, и заключение в тюрьму. И вот ты окружен тишиной, которая тут же начинает разъедать разум.

Восстановив дыхание, я пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы поддержать новенькую.

– Привет, – произношу я наконец и жду ответа, но ничего не происходит, за стеной тишина. – Эй, со временем станет лучше, знаешь... Не отлично, конечно, но... лучше.

Повернувшись, прислоняюсь к стене; я чувствую каждое мгновение боли и гнева этой девушки.

– Эм-м-м, – бормочу я, подбирая слова, – я знаю, каково тебе сейчас, мы все через это прошли, ну, почти все, некоторые тут просто психи, понимаешь? И, э-э-э...

Мои мысли прерывают сирена и предупреждение Хэппи о том, что до закрытия стены осталась одна минута:

– Всем заключенным вернуться в свои камеры через одну минуту. Всем заключенным вернуться в свои камеры через одну минуту.

Я смотрю на голубое небо и пытаюсь впитать как можно больше свежего воздуха и тепла, прежде чем снова окажусь

взаперти, но в этот раз не получается – ведь там, за стеной, девушка испытывает такую страшную боль. Хотел бы я найти способ ей помочь.

И кажется, нашел: в моей камере лежит огромная гора книг.

Я забегаю внутрь, пересекая порог и тем самым активируя преждевременное опускание стены. Быстро подбегаю к кровати, ищу книгу, особенную книгу: «Зов предков». Это первая книга, которую дала мне Рен. Найдя, выбегаю во двор, ныряя под полузакрытой стеной. Я отлично осознаю, что если дверь-стена закроется, а я останусь на улице, то дроны застрелят меня. Не пулями – это слишком милостиво – а транквилизаторами, вызывающими ужасные галлюцинации, сопровождаемые страшными болями в течение нескольких дней.

Я знаю об этом потому, что однажды заключенный Рук Форд пытался с помощью дронов покончить с собой. Спустя пять лет в Аркане Рук потерял рассудок – его заключили сюда, когда парнишке было всего двенадцать, и день за днем его разум угасал. Он во всеуслышание заявил, что возвращает себе контроль и ломает систему, и отказался вернуться в камеру после предупреждения об остававшейся минуте до закрытия стен. Когда пять дней спустя он пришел в себя, то был уже другим человеком, что-то в нем изменилось, и он тихо говорил каждому, кто мог его услышать, что чем бы они в него ни стреляли, это было намного, намного хуже смерти.

Он был уверен, что провел в кошмарном мире сотни лет. Рук отказался от следующей Отсрочки и принял казнь. Говорят, он сел в Мрачный поезд с улыбкой на лице, хотя, возможно, это лишь выдуманные слухи, поскольку никто не мог видеть, как он садится в поезд.

Мысли о ядовитых дротиках, заряженных в летающие роботы, заставляют мое сердце биться быстрее, я бросаюсь к стене.

– Эй, новенькая! – зову я девушку и кидаю книгу через стену как можно выше. Я вижу, как ближайший дрон направляется в сторону парящей книги, и на ужасную долю секунды мне кажется, что он выстрелит, но, должно быть, его датчики принимают книгу за птицу или падающий лист, потому что робот разворачивается и оставляет ее в покое.

Книга перелетает через металлическое ограждение. Я поворачиваюсь и бегу обратно к стене, которая почти опустилась.

Сделав два широченных шага, я ныряю, развернувшись в воздухе так, чтобы приземлиться на бедро и перекатиться. Проскользнув внутрь, я чувствую спиной, как опускается холодная тяжелая стена, но прежде чем она окончательно закроется, я слышу удивленный и благодарный голос:

– Спасибо!

День 747 в Аркане

– Кто эта новенькая? – спрашиваю я Рен, кивая в сторону соседской камеры.

С тех пор как она поблагодарила меня за книгу, прошло уже три дня, три прогулки во дворе, но мне не удалось услышать от нее ни слова, кроме еще одного «спасибо», когда я перебросил ей вторую книгу.

Рен не отвечает, похоже, она меня и не слышала. Глубокая морщина бороздит лоб девушки, она тревожно смотрит сквозь меня.

– Рен? – зову я, привлекая внимание надзирателя.

– Что? Ох, извини, Лука, я просто... нет, ничего.

– Ты в порядке? – спрашиваю я. – Ты какая-то рассеянная сегодня.

Рен улыбается, ей хорошо удастся притворяться, но я вижу, что улыбка натянутая.

– Правда, Лука. Все хорошо. Что ты спросил?

– Новенькая за стеной, – повторяю я свой вопрос, – кто она?

– Кина Кэмпбелл, – отвечает Рен, откусывая бутерброд. – Милая девушка, из Убогих, как и ты.

Прикусив губу, Рен виновато смотрит на меня, словно оговорила. Я не обращаю внимания на ее слова.

– Я дал ей пару книг, надеюсь, ты не против?

– Эти книги твои, – отвечает она с улыбкой и переводит взгляд влево, проверяя время на дисплее своей Линзы.

– Мне пора, – говорит она, – увидимся завтра.

– Да, до завтра.

И она уходит.

Этой ночью, наблюдая за дождем, я не могу удержаться, чтобы не окунуться в свой выдуманный мир. Я представляю, как мы с Рен сидим на склоне холма, разговаривая о будущем, нашем будущем. Это всего лишь глупая фантазия, дурацкая мечта подростка, которой никогда не сбыться. Даже если бы я не был приговорен к смертной казни, даже если бы мне не суждено было умереть от неудачной Отсрочки, Рен – девятнадцатилетняя Совершенная, а я шестнадцатилетний Убогий. За пределами Аркана она бы и не взглянула на меня.

Я всей душой ненавижу это место, порой оно становится невыносимым. Я понимаю, почему Рук пытался спровоцировать дроны убить его.

День 748 в Аркане

Когда на следующий день стена открывается, я не спешу на пробежку, вместо этого я подхожу к разделяющей стене и прижимаю к ней ладонь.

Я пытаюсь придумать, что сказать, как вдруг слышу из-за стены:

– Привет.

Голос девушки хриплый и тихий; я уверен, что сегодня она впервые перестала плакать.

– Привет, – отвечаю я.

– Спасибо за книги. Думаю, без них я сошла бы с ума.

– Не за что.

– Меня зовут Кина, – представляется она.

– Я Лука.

– Лука? – повторяет она. – Тот самый Лука, которого каждый день грозитя убить тот ненормальный?

– Именно.

– За что он так тебя ненавидит?

Я задумался; у меня есть предположения, но я не уверен. На долю секунды в памяти всплывает мальчик, падающий с крыши Вертикали «Черная дорога».

– Честно сказать, мне самому хотелось бы узнать, – отвечаю я. – Полагаю, за этими стенами у нас были общие знакомые.

– Что ж, – добавляет Кина более оживленно, – спасибо еще раз за книги, Лука.

– У меня есть и другие, – говорю я, чувствуя, что разговор сходит на нет, и желая продлить его. – Книги, я имею в виду книги, сотни других, и я все прочел, так что могу одолжить, когда захочешь.

– Лука-библиотекарь, – подшучивает Кина, хмыкнув. – Откуда они у тебя?

– Я дружу с надзирателем Рен. Она милая, тебе она понравится.

– Рен? – переспрашивает Кина. – А-а, да, она милая.

– Правда, она просто замечательная, – убеждаю я ее, не сдерживая улыбки.

– Итак, Лука, как давно ты уже в этом прекрасном учреждении?

– Два года, две недели и четыре дня, – отвечаю я.

– Господи, это... это целая вечность, – удивляется Кина притихшим голосом.

– Ну, время пролетает, знаешь, когда ты... заперт в невыносимой тишине.

Кина смеется, и ее смех снова вызывает у меня улыбку.

– Что ж, – добавляю я, отступая от стены, – начну-ка я уже пробежку.

– Пробежку? – недоумевает Кина.

– Да, я люблю бегать.

– Правда?

– Да, так я держу себя в форме и практически не оставляю им энергии для жатвы.

Кина снова смеется моим словам:

– Забавно. Маленький акт протеста.

Я улыбаюсь:

– Точно. До завтра?

– До завтра, – отвечает Кина.

Сегодня пробежка дается легче, чем обычно. А вечером, после ужина, даже жатва кажется сносной.

С приближением полуночи я заставляю себя встать с пола, ноги настолько ослабли, что трясутся и едва справляются с весом всего тела; прильнув к задней стене, я смотрю на небо сквозь крошечное окно.

Я смотрю в черную ясную ночь, не отрывая глаз. Наступает полночь, я поднимаю взор к небу, но взрывов не видно.

Невозможно. Хэппи не опаздывает, никогда, ни на секунду – система безупречна, она управляет всем. Я проверяю время на экране и вижу, что прошло уже тридцать секунд с тех пор, как должен был начаться дождь.

– Хэппи? – зову я, вглядываясь в небо. Экран молчит. – Хэппи!

Экран мерцает и возвращается к жизни:

– Чем я могу помочь? – спрашивает знакомый голос.

– Дождь... – начинаю я.

Моя паника прерывается первой вспышкой в небе, за которой следуют вторая и третья, рассыпающиеся вдали сетью

огней, создавая облака, соединяющиеся в тучи.

– Что только что произошло? – спрашиваю я.

– Все так, как и должно быть, заключенный 9–70–981, – произносит Хэппи.

– Но дождь, – настаиваю я, отведя, наконец, глаза от окна, когда первые капли падают на землю, – он начался позже.

– Все так, как и должно быть.

Я перевожу взгляд с экрана на льющийся дождь.

Я с таким облегчением наблюдаю за густыми каплями дождя, падающими на землю, стекающими по стенам, обливающими выжидающие на верхушке колонны дроны, что на мгновение забываю про сбой и просто люблюсь, притворяясь, что ничего не было.

Но что-то случилось, и я не знаю, что это означает.

День 749 в Аркане

Заключенные обсуждают запоздалый дождь.

Меня это удивляет. Мне всегда казалось, что я единственный, кто наблюдает за дождем каждую ночь.

Я слышу за стенами: «Почему?», «Что это значит?», «Что там происходит?».

Пробежав последний круг, я опираюсь о стену, соседнюю с двором Кины, чтобы перевести дыхание.

– Как побегал? – спрашивает Кина.

– Хорошо, спасибо.

– Лука, дождь...

– ...он опоздал, – завершаю я ее фразу, – знаю. Как думаешь, что это значит?

– Наверное, ничего.

– Ну да, может, и ничего, – соглашаюсь я, но никак не могу избавиться от неприятного предчувствия.

Я сижу на земле, молча слушая болтовню заключенных; Малакай Баннистер снова дразнит дроны, Пандер поет, Чиррак и Кэтрин нерешительно общаются между собой, двое из четверых планировщиков обсуждают побег. Винчестер пока не вернулся со своей последней Отсрочки, и Вудс знает, что это значит: друг умер на операционном столе, когда ему пытались вживить какую-нибудь новую современную технологию. С прошлой среды Вудс не произнес ни слова.

– Как себя чувствуешь после импланта в сердце? – спрашиваю я, инстинктивно прижимая руку к шраму на груди.

– Уже не больно, – отвечает Кина, – остался только дискомфорт.

– Это тоже пройдет.

Я содрогаюсь при воспоминании о своей первой операции: травма, после которой никогда не прийти в себя, но здесь, в Аркане, об этом не говорят. Я сопротивляюсь нахлынувшим воспоминаниям, но они неотступны.

Маршалы взламывают входную дверь, разбивая ее в щепки и выкрикивая военные приказы. Сестра кричит, а отец наблюдает, как за окном темное пятно большого дрона удаляется в сторону горизонта, становясь все меньше и меньше.

Маршалы вытащили меня из квартиры, пуская болезненные разряды тока по моему телу, и потащили вниз через все сто семьдесят семь лестничных пролетов.

Потом наступила темнота, я слышал лишь грохот и вибрацию двигателей, пока меня везли в Терминал.

А затем парализующий укол.

В первый раз кажется, что это навсегда, что отныне такой и будет жизнь, что именно так они поступают с преступниками: обездвигивают, помещают в ячейки и забывают.

Потом была операция.

В поле зрения попало ее лицо, наполовину прикрытое кипенно-белой маской, когда с жутким блеском в глазах она комментировала мне манипуляции над моим телом.

Она показала мне толстые кобальтовые кабели, сказала, что их вживляют глубоко в мои запястья, как магнитные манжеты.

Мое тело дернулось, когда лезвие разорвало кожу, после чего я услышал звук прожигающих и впивающихся в кости болтов.

Вот она снова появилась в поле зрения – хирург, и пока она говорила, я слышал улыбку в ее голосе.

– Это, – рассказывала она, держа зажатую пинцетом маленькую металлическую проволоку, – это то, что мы делаем с преступниками.

Проволока скрутилась в символе бесконечности; она была сделана из серебра, быстро мигали белые огоньки, распределенные по всей длине. Хирург развернула устройство так, чтобы мои зафиксированные глаза могли ясно разглядеть его.

– Это пробьет отверстие в правом предсердии твоего сердца, сплетется с тканями и легочной артерией. Будет отслеживать твои движения, свяжет тебя с Арканом и, что самое главное, оно сдетонирует и убьет тебя, если выйдешь за пределы линии.

Мне хотелось кричать, убежать оттуда, но я не мог.

Я не чувствовал, но слышал надрыв и разрез, когда она проникла сквозь грудную клетку, меж ребер, добралась до бьющегося сердца и вставила в него это устройство в форме петли – чтобы я навсегда застрял в Аркане, без надежды на

спасение.

– Когда у тебя следующая Отсрочка? – спросила Кина, пробудив меня от горьких воспоминаний и вернув в ярко освещенный солнечный двор.

– Эм-м-м, месяца через три.

– Как думаешь, тебе повезет?

Я стращиваю последние воспоминания о сердечном импланте.

– Я пережил уже четыре и пока жив. Пять, если считать сердечный детонатор.

– Как это было? – спрашивает Кина.

– На первой Отсрочке была нанотехнология. Мне так и не сказали, какая конкретно, меня просто заставили выпить какую-то синюю жидкость, потом что-то вкололи. На второй была операция. Мне повезло, она была незначительной: заменили хрящ между двумя ребрами новым волокном, которое должно иметь лучшую прочность при растяжении, нежели естественное вещество, затем провели ряд тестов и оставили меня приходить в себя без болеутоляющих. На третьей Отсрочке мне вкололи этот быстродействующий вирус, который моментально повысил температуру тела, по коже пошли синяки, кровеносные сосуды лопались. Сначала они дали вирусу довести меня до конвульсий, а потом ввели экспериментальную вакцину, которая, к счастью, сработала. На четвертой был новый тип хирургического шитья: они разрежали мне предплечье от локтя до запястья, а затем зашили

рану каким-то средством, чтобы кожа срослась.

Кина молчит, я слышу, как она вздыхает.

– Звучит ужасно, – произносит она наконец.

– Да уж, не праздник, – отвечаю я.

– Почему они допускают такое? Почему правительство позволяет им так с нами обращаться?

– Люди не будут голосовать против Галена Рая, – напоминаю я. – Если ты богат – он для тебя герой-капиталист; если ты бедный – он борется за твои права.

– Невольно задаешься вопросом: почему никогда не было восстаний?

– Для восстания нужно мужество, а у Галена в вооружении экстремисты. Кроме того, они исключили любые возможности для бунтов, – подчеркиваю я. – Они контролируют каждый аспект нашей жизни: валюта цифровая – они могут отнять ее, не пошевелив и пальцем; налоги забирают из зарплаты – рабочим не нужно самим ничего отчислять; беспилотники следят за нами двадцать четыре часа в сутки – так что ничего не спланировать. Они сохраняют платежеспособность большинства людей, чтобы голоса подавленных и угнетенных не были услышаны.

– Там ходят слухи, знаешь, за стеной. Я сама их не слышала, но мама говорила...

Кину прерывает грохочущее на весь двор предупреждение об оставшейся минуте до закрытия стен. Дроны поднимаются с колонны и зависают в воздухе, отслеживая своими

оружиями заключенных.

– Какие слухи? – спрашиваю я.

– Да никакие, – отвечает Кина. – Какая-то чушь о теории заговора. Поговорим завтра, Лука-библиотекарь.

Мне хочется послушать еще об этих слухах, сравнить их с теми, что я слышал от Алистера и Эмери, о возможной войне, но времени нет. Задняя стена начинает медленно опускаться, и я возвращаюсь в камеру.

Когда стена закрывается и снова наступает тишина, все, что у меня остается, – это время.

Я ложусь на кровати и размышляю об историях, которые отец рассказывал нам с сестрой в детстве. Он рассказал нам о Третьей мировой войне – тщетной войне. Мама всегда твердила, что мы еще малы для таких историй, но нам очень хотелось послушать. Я часто задаюсь вопросом: может, поэтому я чувствовал такое родство с Мэддоксом? Потому что он был так похож на моего отца?

Во время Третьей мировой было сброшено двадцать девять ядерных бомб. Некоторые настолько крупные, что могли снести с лица земли полстраны, другие целиком уничтожали города. По оценкам, во время конфликта погибло около 900 миллионов мирных жителей, но еще больше погибло позднее от ядерного оружия и в результате понижения температуры Земли.

Именно коалиция повстанцев завершила войну – повстанцы с обеих сторон, практически из всех стран. Дело в том,

что большинство граждан не хотело участвовать в этом; они были слишком умны, чтобы поддаться правительственной пропаганде и распространению страха, поэтому они покончили с войной не бомбами или ракетами, а объединив надежду, храбрость и осознание того, что нечего больше терять.

Не одна страна выиграла в той войне, нет, нации не писали каждая свою историю – люди Земли выиграла войну. И тогда тех, кто ее начал, привлекли к ответственности и приговорили к смертной казни; и те же люди поклялись, что такое больше никогда не повторится.

Когда старую власть свергли, открылись доказательства коррупции, настолько глубокой и отвратительной, что она оправдывала даже самые ярые теории заговора. Некоторые из самых смертоносных в то время болезней в мире научились лечить десятилетиями ранее, но эти методы лечения не использовались, дабы богатые фармацевтические компании могли триллионами продавать практически бесполезные таблетки больным и умирающим. Выяснилось, что политические группы, имевшие горячую поддержку в народе, были просто фасадом, за которым скрывались миллиардеры мира сего, используемым для поддержания противоречий между людьми: ведь куда легче принять очередной омерзительный закон, когда граждане голосуют злобой в сердце, а не здравым рассудком. В нефти больше не было необходимости вот уже почти на протяжении столетия: десятки и сотни ученых, механиков и разных умельцев создали двигате-

ли, работающие на солнечной энергии, воде и водороде, – но правительства по всему миру выкупили на них патенты и спрятали, потому что войны за нефть приносили избранным целые состояния.

После войны было сформировано Мировое Правительство. Оно гарантировало мир и процветание, предоставляло здравоохранение для каждого гражданина и подлинно равные возможности для всех, а еще, что самое важное, – разумность и логичность. Логика в форме компании «Хэппи Инк», консультирующей правительство по решению международных проблем и осуществлению безупречного и быстрого правосудия, и какое-то время это действительно работало. Но лечение трех из пяти основных смертельных заболеваний тоже имело свои недостатки – население резко увеличилось после того, как цивилизация была восстановлена. Люди жили дольше, и почти никто не умирал молодым. Народ был вынужден тесниться в переживших войну городах подальше от мест, подвергшихся ядерным ударам, и перенаселенность стала огромной проблемой во всех странах, так же как нехватка воды и энергии, голод и распространение совершенно новых болезней, которые, видимо, появились вследствие выпадения радиоактивных осадков. Места ядерных взрывов и прилегающие территории с почвой, облученной радиацией, необитаемы по сей день. Такие районы известны как Красные зоны.

Эти истории и прочие рассказы о сражениях были нам с

сестрой так интересны, что мы едва могли уснуть потом.

Но мысль о войне, о настоящей войне, вызывает во мне и ужас, и волнение. Лучше бы меня такие мысли не волновали, но малейшее представление о возможном нарушении распорядка в Аркане вызывает у меня головокружение от предвкушения.

Отец рассказывал, что в битвах Третьей мировой использовали заключенных, им обещали сократить срок или даже даровать свободу, если они будут сражаться на линии фронта. Такое предложение я бы принял не задумываясь.

«Ты забегаешь вперед, Лука, – успокаиваю я себя. – Это всего лишь слухи, ничего такого не произойдет».

Да, это правда, я знаю; и мне стыдно, что я желаю войны, но когда тебя сажают в клетку и ломают твою волю, война – лучшее, на что ты можешь надеяться.

Из раздумий меня вытаскивает скрип открывающегося люка и голос Рен:

– Привет, Лука, как дела?

И все мои мысли о войне и свободе тут же улетучиваются.

День 750 в Аркане

Я просыпаюсь от частого мерцания экрана.

Что-то щелкает в моей голове, и я вспоминаю, что сегодня среда, 02:00 ночи. Надо выбраться из этой камеры хоть на несколько часов. Но вдруг осознаю, что звук, разбудивший меня, не такой, как обычно.

Я узнаю его: это пронзительный звонок, сигнализирующий о том, что заключенному предлагается Отсрочка.

Я резко сажусь на кровати и потираю глаза.

– Не может быть, – бормочу я, ковыляя к экрану.

Привыкнув к свету, вижу на часах 04:04 утра и мерцающую красную точку внизу справа рядом со словом «Отсрочка». Это невозможно. Отсрочку предлагают раз в полгода, а с момента последней прошло три месяца.

Моргая и потирая глаза, я пытаюсь собраться с мыслями. Я снова смотрю на экран, но ничего не меняется.

Сердце начинает бешено колотиться. Это что-то новенькое, какое-то изменение – и это совсем не свойственно жизни в Аркане. Все, что не входит в повседневную рутину, нужно изучить и опробовать, хорошо это или плохо.

Я нажимаю на красную точку, и на белом экране появляется текст. Это контракт на Отсрочку, но почему он на моем экране на три месяца раньше, да еще в четыре утра?

Нижеподписавшемуся Заключенному 9–70–981 (далее именуемый «Заключенный») предоставляется возможность принять участие в клиническом испытании или испытаниях в рамках группы «Б» в обмен на задержку с исполнением его судебного приговора (в данном случае смертная казнь).

После принятия данного предложения Заключенному будет предоставлена отсрочка в исполнении приговора на 168 дней, после чего, в соответствии с условиями, указанными ниже, может быть сделано дополнительное предложение.

Заключенный сохраняет за собой право на отказ от данного предложения на данном этапе, но понимает, что ему дается одна неделя на обдумывание своего решения, по истечении которой ему вновь будет предложена возможность принять участие в испытании, и в случае повторного отказа судебный приговор будет приведен в исполнение незамедлительно. Если после подписания Заключенный решит расторгнуть контракт, то приговор будет приведен в исполнение незамедлительно.

Характер испытания остается неопределенным до момента проведения испытания и может оставаться неизвестным Заключенному после его завершения, в зависимости от характера упомянутого испытания.

Дополнительная информация и договорные обязательства указаны на страницах 3–14.

Если Заключенный соглашается, то такое согласие может быть дано посредством электронной подписи (по отпечатку пальца и радужной оболочке глаза) ниже.

Данное предложение действует в течение 24 часов с момента представления (04:03, пятнадцатое июня).

По поручению Мирового Правительства и Смотрителя Региона 86, г-на Галена Рая.

Это стандартный контракт на Отсрочку, за исключением двух моментов: пункта касательно группы «Б», а также того факта, что этот документ полностью бессмысленный. Разве с юридической точки зрения предложение шестимесячного контракта не становится недействительным, если предложить новый уже через три месяца? Хотя это не имеет значения: я не могу нанять адвоката, чтобы защищаться и выразить свое несогласие правительству, а даже если бы мог, они не стали бы слушать.

– Что, черт возьми, происходит? – шепчу я в тишину.

Я убеждаю себя, что решение может подождать. Предложение действительно в течение двадцати четырех часов. Но тут я вспоминаю, что у меня есть Хэппи.

– Хэппи, – команду я экрану.

– Да, Заключенный 9–70–981?

– Почему мне предложили Отсрочку?

– Все так, как и должно быть.

Я смотрю на экран, не веря своим ушам. Я пытаюсь вос-

становить дыхание, мыслить рационально, но после такого беспрецедентного явления адреналин переполняет мою кровь.

– Ну, хорошо, – отвечаю я, наконец.

Я забираюсь обратно в кровать и опускаю голову на плоскую подушку. Я даже не пытаюсь уснуть: знаю, что не смогу.

Солнце встает, и я начинаю свой ежедневный распорядок, но не могу то и дело не отвлекаться на мигающую красную точку под контрактом, напоминающую мне о том, что что-то не так и происходит что-то неладное. Я буквально не нахожу себе места, ожидая появления Рен, чтобы она рассказала мне, почему контракт на Отсрочку прислали так рано.

Такое ощущение, что время идет в замедленном темпе, словно каждая секунда длится минуту, но наконец приходит время прогулки, и, не дожидаясь, когда стена полностью откроется, я ныряю во двор.

Меня тут же накрывает гул обеспокоенных голосов, говорящих одновременно, и я понимаю, что не мне одному прислали такое предложение.

– Ты получил контракт? – кричит знакомый голос своему соседу.

– У меня была Отсрочка на прошлой неделе! – кричит кто-то еще.

– Что это значит? У меня группа «А», а у тебя что?

– У меня «Б», в чем разница?

А Тайко между тем, несмотря на весь этот хаос, продол-

жает невозможно выкрикивать угрозы в мой адрес.

– Лука, я убью тебя, слышишь меня? Я убью тебя!

Я подхожу к стене, разделяющей меня и Кину. Не успеваю я открыть рот, как она спрашивает:

– Что все это значит, Лука?

– Не знаю, это, должно быть, ошибка, так?

– В какой ты группе?

– «Б», а ты?

– Тоже «Б». Ты уже принял предложение?

– Я решил подождать и поговорить с Рен. А ты?

– Нет, я тоже ее подожду.

– Что-то происходит, Кина. Самое время рассказать мне о слухах из внешнего мира.

Помолчав с минуту, Кина отвечает:

– Но это всего лишь слухи, глупая болтовня, я слышала ее от мамы.

– Но это может быть важным.

– Дело в том, что моя мама... она мало времени проводила в настоящем, понимаешь, о чем я?

Я понимаю, ее мать – клон.

Клон не в прямом смысле этого слова; Убогие так называют жертв эпидемии, тех, кто потерял себя под употреблением препарата, созданного на основе технологий и наркотика, известного как «Побег». Такие люди получили кличку Клоны, потому что спустя несколько месяцев на «Побеге» все они выглядят одинаково: бледно-серая кожа, отсутствие

зубов, спутанные волосы, и все они худые, потому что у них нет желания есть.

Богачи, подсевшие на «Побег», используют его вместе с Линзой – предмет технологии, который есть у каждого Совершенного. По сути, это контактная линза, которая отображает информацию, записывает то, что видит владелец, и может накладывать виртуальную или дополненную реальность поверх реального мира. В Вертикалях, где бедные не могут позволить себе такую технологию, подсевшие на «Побег» используют старомодные гарнитуры виртуальной реальности. Эффект наркотиков в сочетании с виртуальным миром позволяет пользователям по-настоящему поверить, что они живут совершенно другой жизнью. Но на самом деле они истощаются, их зубы гниют, а на коже появляются язвы. У них просто нет желания заботиться о себе в реальном мире. Зачем беспокоиться об этом, когда ты всегда идеален в мире «Побега»?

– Мне жаль, – отвечаю я, не зная, что еще сказать.

– Нет, все в порядке, – продолжает Кина. – Насколько мне известно, она даже не в курсе, что я тут, и понятия не имеет об Орле.

Я отчетливо слышу, как Кина спохватилась после последних слов: она явно сказала больше, чем собиралась.

– Что ты слышала? – спрашиваю я, продолжая разговор.

– Ну, она постоянно встречалась с друзьями, когда была под «Побегом», с другими подсевшими, понимаешь? В вир-

туальных коктейль-барах в самых суровых уголках их виртуальных миров, и я слышала, как они говорили о восстании – всегда именно слово «восстание», не «война». Я особо не думала об этом, мне казалось, то был очередной бред наркоманов под «Побегом», но эта тема стала возникать все чаще. Но восстание? Разве такое возможно?

Я уже не обращаю внимание на конец ее фразы, мысленно возвращаясь к разговору, который вели Алистер и Эмери две недели назад. Каким-то образом они тоже прослышали об этом.

– Возможно, это ерунда, – говорю я. – Мы просто спешим с выводами: поздний дождь и ранняя Отсрочка не означают грядущей войны. Когда меня только упекли сюда, самой большой новостью за стеной было то, что люди начали пропадать из города, но ведь никто не предполагал, что это начало войны.

Кина отвечает не сразу:

– Люди пропадают до сих пор. В новостях их называют Исчезнувшими. Около сорока человек в год, в основном Убогие, они просто исчезают. Кто-то говорит, что они уходят в Красные зоны, находят способ выжить в радиации.

– Я слышал, что планируется революция, – говорю я, едва сдерживая смех при мысли о том, как Убогие свергают правительство, управляемое Совершенными. – В любом случае, мы же не спешили с выводами об Исчезнувших, так не будем спешить и сейчас.

– Ты прав, – поддерживает Кина. – Я уверена, Рен объяснит нам все и скажет, что это просто неисправность системы или что-то в этом роде.

– Точно, не будем забегать вперед.

– Ага, – соглашается Кина, и мы замолкаем.

Посидев в тишине, она, наконец, спрашивает:

– Есть еще книги для меня? Я дважды прочла все те, что ты мне дал.

Я смеюсь, хоть чувство беспокойства не покидает меня.

– Конечно. Есть пожелания?

– Что угодно.

Я просматриваю книги, которые вынес с собой во двор, выбирая, какая бы ей больше понравилась.

Суэта во дворах еще не утихла, когда звучит предупреждение об оставшейся одной минуте до закрытия стен.

Мы с Киной прощаемся, и только лежа на кровати и читая предпоследнюю главу второй книги «Властелин колец», я осознаю, что сегодня не бегал. Отсрочка и запоздавший дождь серьезно отвлекли меня.

Закончив книгу, я беру другую, которую давно не перечитывал. Минуту 13:30, а Рен так и не пришла.

«Она и раньше опаздывала», – успокаиваю я себя, пытаюсь сосредоточиться на тексте, но похоже, мне не до чтения. Я продолжаю смотреть на время: два часа дня, два с половиной, три, три с половиной, четыре. Рен так и не пришла.

Я начинаю ходить по комнате. От двери до задней стены всего пара шагов, но мне нужно как-то себя занять.

Наконец без пяти минут пять люк открывается, и я вижу Рен, смотрящую на меня уставшими глазами.

– Рен! – восклицаю я, подбегая к двери. – Что происходит?

Я не хочу поддаваться панике, но очевидно, ничего не могу с собой поделать.

– Привет, Лука, – здоровается надзиратель, и что-то в ее широко раскрытых глазах заставляет меня нервничать. – Извини, трудный выдался день.

– Да уж, не сомневаюсь.

– Итак, вот в чем все дело, – начинает она, и что-то в ее голосе подсказывает мне, что она произносит все это сегодня уже не в первый раз. – Отсрочка случилась не по ошибке, ее утвердил Регион. Готовится крупное клиническое испытание, и Отсрочка будет накопительной, то есть ее прибавят к тому времени, что у тебя осталось по контракту.

– Понятно, – говорю я, удивляясь снисходительности, проявленной правительством, которое с тем же успехом могло отнять у нас сэкономленное время и забыть о нем, ведь, в конце концов, никто из нас не выйдет отсюда живым, а значит, никто ничего не узнает. – А если я не соглашусь?

– К сожалению, в этот раз отказ не даст тебе неделю на обдумывание перед казнью, – отвечает Рен, поднимая взгляд, словно пытаюсь вспомнить новые правила контракта. – От-

каз пройти Отсрочку приведет к исполнению приговора.

– Значит, если я откажусь, меня сотрут? – уточняю я.

– По сути, да.

– Тогда я ее приму.

– Думаю, так лучше, – отвечает Рен, и снова меня одолевают предчувствия.

– А что насчет групп? Какая разница между группами «А» и «Б»?

– Этого я не знаю, – признается Рен. – Мне лишь сказали, что группы набирались в случайном порядке.

– Понятно. Эй, что ж, значит, до следующей Отсрочки у меня будет девять месяцев; не так уж и плохо, а?

Я подхожу к экрану, готовый приложить палец к кнопке подтверждения.

– Лука, стой, – останавливает меня Рен.

Замерев, я убираю руку.

– В чем дело?

Покусывая губу, Рен опускает глаза.

– Нет, все в порядке, ты должен согласиться.

– Рен? Если что-то происходит, я должен знать...

– Дело не в этом. Не знаю... У меня такое чувство... я кое-что слышала.

– Рен, если Отсрочка убьет меня, то я лучше откажусь от нее – и все.

– Вот именно, я не знаю, что там будет, но... – Рен замолкает, а затем смотрит вверх и налево, активируя меню в

Линзе; она переводит взгляд вправо и произносит команду «Выключить наблюдение».

– Разве тебе можно так делать? – недоумеваю я.

– Лука, послушай, я не должна говорить тебе. На почтовый ящик правительства был отправлен один файл. Думаю, по ошибке. В письме были, в основном, строки кодов, какая-то очень запутанная бессмыслица. Его почти сразу же удалили из моих файлов в Линзе, но то была программа, исполняемый файл, он содержал документ. У меня была пара секунд, чтобы прочесть его, там было что-то о Первой фазе и Великом отборе, а еще о Разумной зоне и проекте «Батарея». Я не знаю, что все это значит, но что-то было не так, Лука. Меня это напугало.

Я смотрю на паноптическую камеру Рен – она сильно рискует. Правительство не имеет права смотреть отснятый материал без уважительной причины или согласия владельца, но учитывая происходящее в последнее время, меня ничто не удивит.

Я обдумываю ее слова, пытаюсь понять их смысл.

– Может, это и не значит ничего, – отвечаю я, но отчетливо улавливаю сомнение в своем голосе. – Правительство постоянно использует кодовые имена при планировании.

– Файл был случайно отправлен всем сотрудникам, но предназначался он для «Заявителей на Третий уровень». Это было в субботу вечером, четыре дня назад. С тех пор пятнадцать сотрудников правительства пропали без вести.

– Рен, у меня нет выбора: если я не приму Отсрочку, меня убьют.

Повернувшись к экрану, я чувствую очередную волну адреналина; мои нервы на пределе. Я нажимаю кнопку «Принять», которая в этот раз кажется мне куда крупнее. Появляется сетка для отпечатка пальца и распознавания радужной оболочки глаза. Я мешкаю секунду, всего мгновение.

Сканер принимает мои отпечатки, распознает радужную оболочку, и контракт подписан.

Экран становится зеленым, всплывает новый текст.

«Ваша Отсрочка начнется через 2 дня, 13 часов и 2 минуты».

– Три дня? – спрашиваю я Рен удивленно.

– Да, – отвечает она дрожащим голосом. – Группа «А» начинает завтра утром, Группа «Б» на два дня позже.

Сглотнув, я киваю.

– Что ж, – продолжает Рен, вытирая слезу, – мне пора, надо рассказать остальным, что происходит.

– Понимаю, – отвечаю я. Мне хочется спросить, соберется ли клуб сегодня, увидимся ли мы в два ночи, но нужно сохранять осторожность: нас могут услышать. – Полагаю, ты будешь с нетерпением ждать ночи, чтобы поспать после такого тяжелого дня?

Рен смотрит на меня, и легкая улыбка касается ее губ.

– Не так уж я и устала, думаю, раньше утра не усну.

– Пока, Рен, – улыбаюсь я в ответ.

Она активирует камеру наблюдения в Линзе и грустно улыбается мне.

– Пока, Лука.

Люк закрывается.

Слова Рен лихорадочно крутятся в голове. Первая фаза и Великий отбор? Разумная зона и проект «Батарей»? Страх в ее глазах и голосе не дает мне покоя. Что это значит? Почему в последнее время все так странно? Что происходит во внешнем мире?

Мне потребовалось несколько часов, чтобы успокоиться и убедить себя, что все будет хорошо.

Но ночью, после жатвы, когда я стою у окна в ожидании дождя, беспокойство возвращается: дождь так и не начался.

Наступает 02:00, но привычной радости и ликования не видать. Наоборот, мы стоим, обмениваясь испуганными взглядами, чувствуя, что грядет нечто ужасное.

– Итак, – прерывает молчание Малакай, – кто в группе «А»?

Чиррак и Кэтрин медленно поднимают руки, Харви поднимает костыль.

– В группе «Б»? – спрашивает Малакай и поднимает руку, а вместе с ним – я, Под, Игби, Пандер, Алистер, Вудс, Эмери, Джуно, Адам, Фултон, Рина и Акими.

– Кто-нибудь знает, что там будет? – спрашивает Харви, пытаясь удержать равновесие и поправляя костыль.

Я думаю о том, что рассказала мне Рен, бросаю на нее

взгляд, но она смотрит в пол.

– Все будет хорошо, – успокаивая, Малакай опускает руку на плечо Харви. – Через неделю мы все снова соберемся тут и посмеемся еще над этим, правда, Рен?

Рен кивает, выдавливая улыбку:

– Точно, беспокоиться не о чем.

– А теперь давайте, – подбадривает Малакай, – такая возможность у нас раз в неделю, так используем ее по полной.

Постепенно толпа начинает разбиваться на группы.

Рен пробирается мимо ребят, разговаривая с каждым, чтобы убедиться, что все в порядке, разделяет их шутки и пытается убедить группу «А», что завтра все пройдет хорошо.

Прислонившись к стене, я наблюдаю за ними, неспособный насладиться драгоценными минутами, поскольку масштабная Отсрочка занимает все мои мысли.

Когда Рен подходит, смотря на меня горящими глазами, сердце мое оживает, и на мгновение я забываю о своих переживаниях.

– Какие дела? – спрашиваю я и тут же поправляю себя: – Как дела, то есть? Как ты? В порядке?

«Молодец, – говорю я себе, – просто блестяще справился».

Я слышу, как где-то слева от меня посмеивается Малакай, и я почти уверен, что он смеется надо мной. Я чувствую, как краснею, и поглядываю на него: он облокотился о стену и

общается с явно очарованной им Риной. Ради того, чтобы поговорить с Безупречным, она перестала прыгать по коридору и смущенно прячет прядь рыжих волос под шапку.

– Я в порядке, Лука. А ты как?

– Хорошо, да, вполне.

– Слушай, о том, что я рассказала тебе... Думаю, я все преувеличила, я не хотела тебя напугать.

– Напугать меня? Вовсе нет, я не испугался. Просто ситуация такая необычная.

– Хорошо, я рада это слышать. Я запаниковала, вот и все.

– Ага, как сказал Малакай, через неделю мы еще посмеемся над этим.

– Точно.

Я киваю:

– Послушай, новенькая, Кина, она вроде нормальная, понимаешь? Как думаешь, ей можно стать одной из нас?

Я оглядываю нашу небольшую группу, Рен следит за моим взглядом.

– Боюсь, еще рано, – отвечает она. – Нужно убедиться на сто процентов, что она... что она подходит нам.

– Она подходит нам, – убеждаю я ее.

Рен улыбается и, прищурившись, спрашивает:

– Лука Кейн, ты что, влюбился?

– Я... что? Нет, я просто... не влюбился я, просто она кажется...

Рен смеется:

– Я поговорю с ней, – отвечает она. – Может, через пару недель. Посмотрим, хорошо?

– Да не влюбился я, – повторяю я, взяв себя в руки. – Ничего подобного.

Рен снова смеется, уходит к Акими и протягивает ей сумку с еженедельным нарядом.

– Я не влюблен в нее, потому что люблю тебя, – говорю я себе под нос. – Вот что надо было сказать.

Пандер поет, стоя у стены, и я сажусь рядом, слушая ее безупречный голос, напевающий какую-то поп-песню из двадцатого века, которая была переделана столько раз, что я уже и не узнаю, какую версию она исполняет. Подняв руку, Пандер настраивает слуховой аппарат и улыбается, когда звук становится более четким. Я вслушиваюсь в текст: песня о юности и непокорности, о любви и душевной боли. Звуки ее красивого пения окружают нас и заполняют коридор, эхом отражаясь от бетонных стен Аркана.

Акими выходит из камеры, кружась и любуясь своим зеленым платьем.

Я чувствую, как на меня накатывает волна грусти. Хоть все наши разговоры и действия происходят под маской негласных правил клуба, я люблю этих людей и не могу избавиться от чувства, что всему этому приходит конец.

День 751 в Аркане

В 07:30 звучит будильник.

Я осторожно вылезая из постели и заказываю завтрак, а мой разум продолжает размышлять над нерешенными вопросами. Через несколько минут конвейер уносит нетронутую еду.

Хэппи велит мне подготовиться к речи Галена. Я сижу на краю кровати и смотрю на экран, который в течение четырех или пяти минут показывает сплошную черноту, а затем возвращается в нормальное состояние.

– Отлично, – шепчу я в пустоту, – видимо, все катится к чертям.

Спустя пару часов открывается задняя стена, и я впервые за все время слышу тишину во дворах.

Я выхожу и прислушиваюсь к шелесту ветра, пока Тайко, который, должно быть, тоже в группе «Б», не подает голос:

– Лука, ты там? – зовет он.

– Да, я тут, – отзываюсь я.

– Однажды я тебя убью.

– Знаю.

И снова наступает тишина.

Жутко осознавать, что половины заключенных нет, что на них сейчас проводят эксперименты, в то время как мы стоим тут и греемся в лучах солнца. Они могут уже быть мертвы

к этому часу.

– Лука? – слышу голос Кины за стеной справа.

– Да?

– Не нравится мне все это.

– Мне тоже.

– Как думаешь, группа «А» в порядке?

– Да, – отвечаю я слишком быстро. – Уверен, с ними все хорошо. Они вернутся ближе к вечеру, и завтра утром мы спросим их, как все прошло и что там было.

– А потом настанет наша очередь, – отмечает Кина.

– Лука Кейн, – кричит Тайко, – я убью тебя!

– Угомонись уже! – кричит Малакай ему в ответ.

И Тайко умолкает.

Сегодня все разговаривают тихо, словно не желая беспокоить остальных. До закрытия стен остается одна минута, мы прощаемся и расходимся по камерам.

Прошло так много времени, что я начинаю верить: Рен арестовали, бросили в Блок, и я никогда больше ее не увижу.

Наконец люк открывается.

– Здравствуй, Лука.

– Привет, Рен, – здороваюсь я в ответ, невольно задыхаясь от накрывающей меня волны комфорта при появлении этой девушки. Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на нее, и чувства мои усиливаются: она так красива, так прекрасна, что сердце в груди сжимается от боли.

– Слушай, я принесла тебе книгу, – говорит она, протягивая мне книгу в мягкой обложке.

– Ух ты, Рен, спасибо! Я прочитаю ее сразу же, как закончу «Властелина ко...»

– Нет, Лука, прочти ее сегодня.

Я всматриваюсь в умоляющие глаза Рен:

– Конечно, прочту сегодня.

– Хорошо, – отвечает она дрожащим голосом. – Думаю, тебе будет интересно.

Я изучаю обложку: на ней изображен большой замок, стоящий на вершине утеса, у основания которого плещутся морские волны.

– «Граф Монте-Кристо», – читаю я вслух.

– Да, это классика, – объясняет Рен, наклоняясь и протягивая мне контейнер с едой.

Я встаю и хватаю его, игнорируя тревогу о проникновении в камеру; пальцы Рен касаются моих, и она смотрит на меня умоляющими глазами. Я киваю ей, подтверждая, что понимаю, что что-то неладно, и забираю еду.

– Что ж, мне пора. Скоро увидимся.

– Рен, постой... – Но люк закрывается, и я остаюсь один в тишине.

Я смотрю на коробку с лапшой, затем на книгу в руках. Бросив еду на кровать, я открываю первую страницу и просматриваю текст. Писатель рассказывает о большом корабле, причаливающем к берегу. Ничего существенного, ничего

такого, что объяснило бы явную попытку Рен передать мне нечто важное.

Перевернув лист, я замираю. На третьей странице сверху донизу поверх текста красным цветом написано почерком Рен:

Лука, ты должен выбраться отсюда...

Я захлопываю книгу как можно скорее, думая об имплантированной камере у меня во лбу. Знает ли Рен что-то, о чем мне не известно? Не следит ли правительство за нами более пристально, чем обычно?

Я небрежно бросаю книгу на кровать и принимаюсь за еду. Минут двадцать я трачу на поедание лапши, которую есть вовсе не хочется, а затем жду наступления ночи.

Только к часу ночи я смог взяться за книгу.

Я расстроен настолько, что впервые за год не смотрю на дождь. Я демонстративно зеваю и потягиваюсь – да, знаю, вероятность того, что кто-нибудь увидит кадры с моей паноптической камеры, мала, но я не могу рисковать.

Я ложусь в кровать, опускаю голову на подушку, протянув руку, беру книгу и натягиваю одеяло на голову. Я кладу руку на лоб так, чтобы закрыть камеру и укрыться от посторонних глаз.

Открываю третью страницу и читаю:

Лука, ты должен выбраться отсюда. Заключенные группы «А» вернулись. Все они несколько часов были без сознания, а когда проснулись, то были дезориентированы и сбиты с толку, но потом они изменились. Стали вести себя неразумно, молча выхаживали по камере, пинали и стучали в двери, бились головой об пол, не издавая ни звука. Некоторые умерли, и я думаю, что остальных ждет та же участь. Лука, самое ужасное то, что они все время улыбаются – медленно убивая себя, они улыбаются так, будто счастливы. С тех пор как мне по ошибке прислали тот файл в Линзе, я под постоянным наблюдением. Я не могу помочь, но ты должен попытаться сбежать из Аркана. Не знаю как, не уверена, что это вообще возможно, но ты должен попытаться, Лука. Найди способ. Дождись удобного случая и непусти его. Я предупрежу всех, кого смогу. Я очень хочу помочь, но за мной следят. Делай все, что сочтешь нужным.

Рен

Я читаю ее сообщение еще раз и еще.

Чуть больше, чем через сутки, меня доставят в Терминал, и там со мной произойдет то же, что и с группой «А».

Перевернув страницу, я убираю руку со лба и притворяюсь, что читаю, пытаюсь при этом успокоить колотящееся сердце.

Как, черт возьми, мне сбежать? За семьдесят лет суще-

ствования Аркана никто так и не вырвался отсюда. Даже близко никому такое не удавалось.

Это невозможно. Сообщение Рен – по сути простое предупреждение о грядущей смерти.

«Что ж, – размышляю я, – значит, так тому и быть. В любом случае, как долго смог бы я в таком месте оставаться в здравом уме?»

Я подавляю слезы, собирая волю в кулак.

Когда придет время Отсрочки, я буду готов сбежать в любой момент, если такой выдастся, но если не будет и малейшего шанса, тогда я приму свою судьбу.

Закрыв книгу, я поворачиваюсь к экрану.

– Хэппи?

– Да, заключенный 9–70–981? – отвечает голос.

– Паноптическое воспроизведение. День первый в Аркане, время 17:17.

– Конечно.

Экран меркнет, а через двадцать секунд оживает и выводит видеоизображение того, как я вхожу в тюрьму. Я слышу свое испуганное учащенное дыхание; меня ведут по коридору Аркана, затем сопровождающий меня солдат, в руках у которого сердечный детонатор – небольшое цилиндрическое устройство, связанное со взрывчаткой в форме знака бесконечности, ранее имплантированной в мое сердце, – приказывает мне остановиться, открывает дверь камеры, заталкивает меня внутрь и захлопывает за мной дверь.

Хэппи позволяет заключенным просматривать не более четырех минут воспоминаний ежедневно. Самое жестокое – то, что просматривать можно только воспоминания из жизни-в-Аркане, и ничего из жизни-до-него.

Я просматриваю, как оглядывал стены, пошатываясь и думая, что вот-вот потеряю сознание, чувствовал их бетонный холод, изучал двор сквозь крошечное окно.

– Заключенный 9–70–981, у вас осталось две минуты времени, разрешенного на просмотр воспоминаний, – предупреждает Хэппи.

– Выключить, – приказываю я, и экран тут же меркнет.

Несмотря на предыдущую бессонную ночь, я лежу в тусклом свете, неспособный и теперь сомкнуть глаз, размышляя о своей жизни. Когда мне было одиннадцать, отец лишился работы на небесных фермах: правительство должно было сохранить пятьдесят процентов людской рабочей силы, но год за годом постепенно сокращало ее, пока не осталось лишь двадцать процентов. Когда мне было двенадцать, я купил экран производства начала двадцать второго века у ребенка-барахольщика, торговавшего в Вертикали «Черная дорога». С помощью этого экрана я грабил Совершенных, которые тогда еще использовали большой палец для перевода монет. Когда мне было тринадцать, я учил сестру читать. Я думаю о мальчике с пистолетом на крыше Вертикали «Черная дорога»; о моей матери, которая умерла, о Рен. О смерти.

День 752 в Аркане

К моменту, когда наступает час прогулки, у меня ощущение, словно я живу во сне. Все кажется замедленным и нереальным, мысли туманны, движения неуклюжи.

Снова вместо обращения Галена – пустой экран.

Когда задняя стена открывается, меня опять встречает полнейшая тишина.

Через какое-то время ребята из группы «Б» зовут своих друзей из группы «А», но никто не отвечает.

– Лука? – окликает меня Кина сломленным низким голосом.

– Да?

– Почему они не вернулись?

Я хочу рассказать ей, что узнал от Рен, что они вернулись, что тем, кто умер, очень повезло, что остальные находятся в состоянии немого безумия, – но не могу.

– Я не зн... – меня прерывает звук ударяющегося о стену тела. Он идет из соседнего с Киной двора – двора Харви.

– Что это было? – спрашивает она.

Я не отвечаю. Ужасный стук и хруст раздаются снова и снова, и я пытаюсь выбросить из головы образ Харви, пытающегося покончить с собой, разбиваясь о стену, разрывая кожу и ломая себе кости.

С другой стороны Аркана слышится еще один похожий

шум: треск ломающейся кости – подобно выстрелу в тишине. А затем еще и еще, со всех уголков, словно они все получили сигнал, что сейчас самое время.

– Лука, что это? – спрашивает Кина.

Я молчу. Пока безумные заключенные пытаются пробить собой стены, тревожных разговоров и криков группы «Б» становится все больше.

Вдруг мясистые хлопающие звуки ударов из двора Харви сменяются скрежетом карабкающихся по стене рук и ног, и в этот момент раздается сирена оповещения, и один из дронов на колонне оживает. *«Заключенный 9–71–343, прекратите и вернитесь в свою камеру».*

Но Харви не останавливается; я слышу его неровное дыхание, царапающий шорох, пока он карабкается по стене и соскальзывает.

«Заключенный 9–71–343, это ваше последнее предупреждение. Прекратите и вернитесь в свою камеру».

И тогда Кина не выдерживает и кричит:

– О Господи, что с ним?! Он лезет в мой двор!

Из своего двора мне не видно, что творится у нее во дворе, но очевидно, что Харви или то, что от него осталось, добрался до вершины разделяющей их стены.

С колонны взлетает еще больше дронов, направляя лазерные ружья на других заключенных, которые пытаются вскарабкаться на стены и добраться до тех из нас, кто еще в здравом уме.

Заключенные группы «Б» начинают нервничать и сыпать вопросами, но все замолкают, когда пушка первого дрона выстреливает единственный дротик в Харви. Мы все слышим, как карабкающиеся и царапающие звуки затихают; галлюциногенный препарат мгновенно действует на организм, транквилизатор ослабляет парня настолько, что тот не может больше удержаться, и по всему Аркану раздается громкий шлепок упавшего на бетон тела.

Второй дрон стреляет где-то справа от меня, затем третий и четвертый выстреливают почти одновременно. Тела падают. Шесть, семь, уже восемь тел. И наступает тишина.

– Он... он улыбался, – произносит Кина тихо, едва слышно.

Издали раздается электронный гул приближающихся дронов.

Жужжание становится громче, шепот и шум во дворах снова нарастают. Я прислушиваюсь к звуку и впадаю в шок. Каждый вдох дается мне все труднее, я начинаю задыхаться при виде быстро подлетающих к тюрьме дронов-гробовщиков.

Я прижимаюсь к стене, чувствуя, как силы покидают меня. Я наблюдаю, как дроны-гробовщики приземляются во дворах.

– Эй! – слышу я голос девушки. – Что, черт возьми, происходит? Что это такое? Кто-нибудь, ответьте!

Ее вопли сливаются с воплями и возгласами других за-

ключенных, пытающихся докричаться до тех, кто, быть может, наблюдает за нами сквозь панооптические камеры и прослушивает наши комнаты с помощью микрофонов.

Но ответов нет.

Спустя минуту или около того дроны-гробовщики взлетают, держа в своих металлических когтях большие черные пакеты.

Харви, мой друг, пострадавший на испытаниях в Аркане и ставший инвалидом, мертв. Все из группы «А» мертвы.

Мне остается только надеяться, что смерть их была безболезненной, что теперь они свободны. Я сползаю вниз по стене и сажусь на корточки, наблюдая, как дроны удаляются, унося с собой тяжелый груз.

Заклученные кричат, требуют ответов, желая знать, что произошло с группой «А».

В конце концов крики утихают, и во дворах слышны лишь всхлипы и рыдания тех, кто сегодня потерял своих друзей.

Даже Тайко молчит до последнего, пока стены наконец не закрываются.

Вернувшись в камеру, я меряю ее шагами взад-вперед в ожидании Рен. Она опаздывает. Я убеждаю себя, что такое уже бывало. Я жду, но она все не приходит. Наступает час жатвы, и я свыкаюсь с мыслью, что сегодня не увижу Рен.

Нынче жатва дается особенно тяжело. Когда она заканчивается, я уверен, что уже не приду в себя. На протяжении

нескольких часов я просто лежу на полу.

Когда мне наконец хватает сил добраться до кровати, я понимаю, что не смогу уснуть. Я беспокоюсь о Рен, о завтрашнем дне, о том, что это может быть последняя ночь в моей жизни.

День 753 в Аркане

Будильник звенит на полчаса раньше, в 07:00. Кажется, я так и не сомкнул глаз сегодня.

Экран оповещает меня о том, что я должен сесть в Мрачный поезд через тридцать одну минуту.

Я не спеша сажусь на кровати, пытаюсь сосредоточиться. Я так истощен, что мне требуется целая минута, чтобы прийти в себя.

Я выбираю завтрак, но даже не уверен, какие кнопки нажимаю, – в голове крутятся возможные сценарии того, что могло случиться с Рен. Может, они решили заставить молчать всех, кому на Линзу поступил тот злосчастный файл? Имеет ли это отношение к слухам о войне во внешнем мире? А может, они узнали, что она предупреждала заключенных? Что, если ее заключили в Блок?

Затем я размышляю о том, что может произойти со мной после того, как я сяду в Мрачный поезд.

«Будь начеку, – твержу я себе. – Если увидишь шанс сбежать – непусти его!»

Экран начинает издавать звуковые сигналы и сообщает, что до выхода из камеры у меня пять минут. Я и не притронулся к еде – как оказалось, это каша, превратившаяся в густой комок. Я кладу миску обратно на конвейерную ленту.

– Хэппи? – зову я в надежде, что, что бы ни произошло с

вездесущей системой, она уже исправна.

Пару раз моргнув, экран наконец оживает:

– Да, заключенный 9–70–981?

– Что будет со мной в Терминале?

– Все так, как и должно быть.

– Я знал, что ты это скажешь, – я смотрю в пол, тяжело вздыхая. – Эй, Хэппи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.